

Без надежды

Автор:

[Колин Гувер](#)

Без надежды

Колин Гувер

Без надежды #1 Все оттенки любви

Скай, ученица выпускного класса средней школы, знакомится с Дином Холдером, парнем, которого все считают сорвиголовой. С самой первой встречи он ужасает и пленяет ее. Холдер пробуждает в Скай чувства, которых она не испытывала раньше, а еще и воспоминания о ее несчастном прошлом, о том времени, которое она изо всех сил пытается забыть. Скай полна решимости держаться от Дина подальше, но его настойчивость и загадочная улыбка преодолевают сопротивление девушки, и связь между ними все крепнет. Однако у Холдера есть собственные секреты, которые Скай отчаянно пытается раскрыть, даже не подозревая, что ждет ее впереди...

Только храбро принимая откровения жизни, Скай и Холдер надеются залечить душевные раны и найти способ свободно жить и любить.

Впервые на русском языке!

Колин Гувер

Без надежды

Colleen Hoover

HOPELESS

Copyright c 2013 by Colleen Hoover

All rights reserved

© И. Иванченко, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

* * *

Вэнсу.

Иные отцы дарят нам жизнь. Другие учат, как ее прожить.

Спасибо тебе за науку

Воскресенье, 28 октября 2012 года

19 часов 29 минут

Я поднимаюсь и смотрю на кровать, задерживая дыхание, чтобы не дать вырваться из глотки этим звукам.

Я не стану плакать.

Не стану.

Медленно опустившись на колени, провожу пальцами по желтым звездам, разбросанным по темно-голубому полю стеганого одеяла. Я долго смотрю на эти звезды, и постепенно они начинают расплываться от слез, застилающих мой взор.

Я зажмуриваю глаза и зарываюсь головой в постель, судорожно хватаясь за одеяло. Мои плечи сотрясаются от рыданий, которые я безуспешно пытаюсь сдержать. Резко поднявшись на ноги, я с воплем срываю одеяло с постели и швыряю его через комнату.

Яростно сжимая кулаки, оглядываюсь по сторонам: что бы еще такое бросить. Я хватаю подушки и кидаю их в зеркало, где отражается какая-то незнакомая мне девушка. Горестно рыдая, она глядит на меня. Эти слезы приводят в бешенство. Мы устремляемся друг к другу, выставив кулаки, и врезаемся в зеркало, которое рассыпается по ковру тысячей сверкающих осколков.

Ухватившись за края комода и издав очередной вопль, я отодвигаю его в сторону, после чего рывком выдергиваю ящики и разбрасываю по комнате их содержимое. При этом я кружусь, швыряя и пиная все, что попадает на пути. Я хватаю голубые прозрачные шторы и настойчиво дергаю, пока карниз не обрывается и не падает на пол. Потом подхожу к сложенным в углу комнаты коробкам, беру верхнюю и, даже не взглянув, что внутри, изо всех сил швыряю в стену.

- Ненавижу тебя! - кричу я. - Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

И продолжаю швырять все, что попадает под руку, время от времени издавая вопли и ощущая на губах соленые слезы, струящиеся по щекам.

Сзади меня неожиданно обхватывают руки Холдера и пригвозждают к месту. Не отдавая себе отчета, я продолжаю по инерции дергаться, лягаться и вопить.

- Перестань, - тихо говорит он мне в ухо, не собираясь отпустить.

Я слышу его, но делаю вид, что не слышу. Или мне просто наплевать. Я пытаюсь вырваться, но он лишь сильнее сжимает меня.

- Не трогай меня! - царапая его за руки, во всю глотку ору я.

И опять это не вызывает у него никакой реакции.

«Не трогай меня. Прошу тебя, пожалуйста, ну пожалуйста».

В голове раздается тоненький голосок, и я сразу же обмякаю в его руках. Слезы не утихают, отнимая у меня все силы, и я слабею. Я превращаюсь в сосуд для слез, которые никак не перестанут литься.

Да, я слабая, и я позволила ему одержать верх.

Холдер отпускает меня и кладет руки мне на плечи, потом поворачивает к себе. Я не в силах даже посмотреть на него. В изнеможении припадаю к его груди и, не переставая рыдать, прижимаюсь щекой к его сердцу. Он кладет ладонь мне на загривок и склоняется к уху.

- Скай, - произносит он твердым бесстрастным голосом. - Надо уходить. Сейчас же.

За два месяца до этого...

Суббота, 25 августа 2012 года

23 часа 50 минут

Хотелось бы думать, что за свои семнадцать лет я чаще совершала поступки разумные. Вот если бы интеллект оценивался на вес, они бы перевесили несколько глупых. В таком случае завтра мне предстоит переделать массу разумных дел – ведь то, что я в третий раз за месяц впустила Грейсона через окно в свою спальню, может перетянуть по шкале тупости. Тем не менее единственная точная оценка идиотизма поступка – это время... поэтому подождем и посмотрим, попадусь ли я до судейского удара молотком.

Как бы это ни выглядело со стороны, я совсем не шлюха. Если, конечно, не считать ею девушку, которая встречается со многими, невзирая на отсутствие влечения к ним. В противном случае поспорить есть о чем.

– Поторопись.

Я читаю по губам Грейсона, стоящего за закрытым окном. Он явно раздосадован моей невозмутимостью.

Я отодвигаю защелку и, стараясь не шуметь, поднимаю оконную раму. Карен, возможно, и нешаблонная родительница, но, когда дело доходит до парней, шастающих по окнам, она становится обычной строгой мамашей.

– Тише, – шепчу я.

Грейсон подтягивается и закидывает ногу на выступ стены, после чего залезает в мою спальню. Очень удобно, что окна с этой стороны дома всего в трех футах от земли и у меня есть как бы дополнительная дверь. Пожалуй, мы с Сикс чаще пользовались окнами, чем дверями, когда шныряли из дома в дом. Карен к этому успела привыкнуть, так что даже не спрашивает, почему окно у меня почти всегда открыто.

Прежде чем задернуть штору, я бросаю взгляд на окно спальни Сикс. Одной рукой она машет мне, а другой тянет за руку Джексона, залезающего в ее спальню. Едва оказавшись внутри, Джексон поворачивается и высовывает голову из окна.

– Через час встречаемся у твоего пикапа, – громко шепчет он Грейсону.

Потом закрывает окно Сикс и задергивает штору.

Мы с Сикс неразлучны с того самого дня, когда она четыре года назад переехала в дом по соседству. Окна наших спален находятся одно против другого, и это очень удобно. Все начиналось вполне невинно. Когда нам было по четырнадцать, я частенько пробиралась по вечерам к ней в комнату, мы таскали из холодильника мороженое и смотрели фильмы. В возрасте пятнадцати мы начали тайком пускать к себе мальчишек, чтобы лопать и смотреть вместе. К шестнадцати годам мороженое и фильмы отошли на задний план, на первый выступили парни. Теперь, в семнадцать, мы даже не удосуживаемся выйти каждая из своей спальни, пока парни не уйдут домой. Вот когда мороженому и фильмам вновь оказывается предпочтение.

Сикс смакует парней, как я смакую мороженое разных сортов. В данный момент хит месяца у нее – это Джексон. У меня – мороженое «Роки-роуд». Грейсон с Джексоном лучшие друзья, вот почему мы с Грейсоном очутились друг у друга в объятиях. Раз у теперешней пассии Сикс нашелся клевый дружок, так пусть подружка попользуется. Грейсон определенно горяч. У него отличное тело, небрежно зачесанные волосы, пронзительные черные глаза... все дела. Большинство знакомых девчонок были бы счастливы просто оказаться с ним в одной комнате.

Жаль, что мне до лампочки.

Я задергиваю шторы и оборачиваюсь, сталкиваясь нос к носу с Грейсоном, который готов начать шоу. Он сжимает мое лицо в ладонях и одаривает меня обольстительной улыбкой:

– Привет, красотка.

Не дожидаясь ответа, он впивается в мои губы влажным поцелуем. Пока мы, не отрываясь друг от друга, шагаем к кровати, он безо всяких усилий сбрасывает с себя ботинки. То, с какой легкостью он одновременно делает эти две вещи, поражает и немного тревожит. Он осторожно опускает меня на кровать.

– Дверь заперта?

– Иди посмотри, – говорю я.

Он чмокает меня в губы и вскакивает, чтобы проверить. Я уже тринадцать лет живу с Карен, и меня никогда не притесняли. Не хочу, чтобы у нее сейчас появился повод. Через несколько недель мне исполнится восемнадцать. Сомневаюсь, что, пока я под ее крышей, она и тогда изменит стиль воспитания.

Не скажу, что он плох. Просто... довольно противоречив. Она всю жизнь обращалась со мной строго. Мы никогда не пользуемся Интернетом, мобильной связью или даже телевизором, потому что она считает технический прогресс корнем всех зол на свете. При этом в других отношениях она очень снисходительна. Она в любое время разрешает мне гулять с Сикс. По сути дела, мне даже не назначают комендантский час, если ей известно, где именно я нахожусь. Правда, я никогда не задерживалась допоздна, так что, пожалуй, он все-таки есть, просто я об этом не догадываюсь.

Она спокойно относится к сквернословию, хотя ругаюсь я редко. Время от времени разрешает мне даже выпить вина за ужином. Она общается со мной скорее как с подругой, чем как с дочерью (хотя удочерила тринадцать лет назад). Ей каким-то образом удается вызвать меня на откровенность, и я рассказываю почти обо всем, что со мной происходит.

Карен не признает компромиссов. Она либо чересчур снисходительна, либо излишне строга, напоминая мне консервативного либерала. Или либерального консерватора. Как бы то ни было, понять ее трудно, и я уже даже не пытаюсь.

Единственным, из-за чего мы ломали копья, была муниципальная школа. Меня всю жизнь заставляли заниматься дома (школа – еще один источник зла), но с того момента, как Сикс заронила мне в голову эту мысль, я умоляла Карен зачислить меня в школу. Я подала заявления в колледжи и считала, что, добавив к этим заявлениям какие-то факультативные дисциплины, увеличу свои шансы на поступление. Несколько месяцев мы с Сикс донимали Карен настойчивыми просьбами, и она сдалась, позволив мне поступить в выпускной класс средней школы. Через пару месяцев я могла бы получить достаточно зачетов для завершения программы домашнего обучения, но какая-то часть моего существа всегда желала приобщиться к жизни обыкновенного тинейджера.

Знай я тогда, что на той неделе, когда мы с Сикс надеялись впервые вместе пойти в выпускной класс, она отправится в поездку по программе международного студенческого обмена, то ни за что не поддержала бы идею поступить в школу. Но я невероятно упряма и скорее проткну себе руку вилкой, чем скажу Карен, что передумала.

Я старалась не думать о том, что в этом году со мной не будет Сикс. Знаю, какие надежды она возлагала на студенческий обмен, а я со своим эгоизмом хотела, чтобы у нее ничего не получилось. Мне было тяжело войти в дверь школы без нее. Но я понимала, что разлука неизбежна и рано или поздно мне придется столкнуться с реальным миром, где, кроме Сикс и Карен, существуют другие люди.

Мои скудные контакты с реальным миром полностью компенсировались книгами. Не очень-то здорово постоянно жить в мире грез. Чтение также познакомило меня с ужасами (вероятно, преувеличенными) средней школы – первыми днями, группировками, вредными девчонками. Не помогает и то, что, по словам Сикс, знакомство с ней отчасти предопределяет мою репутацию. Сикс не может похвастать сексуальной воздержанностью, а кое-кто из парней, с которыми я встречалась, не умеет хранить секреты. Сочетание того и другого обещает интересный первый день в школе.

Не то чтобы меня это волновало. Я поступала в школу не для того, чтобы завести друзей или кого-то поразить. И коль скоро моя шаткая репутация не противоречит конечной цели, все у меня сложится хорошо.

Надеюсь.

Проверив дверь, Грейсон возвращается к кровати с сексуальной ухмылкой на губах:

– Как насчет маленького стриптиза?

Покачивая бедрами, он медленно поднимает рубашку, обнажая накачанные мышцы брюшного пресса. Я стала замечать, что он демонстрирует их при любой возможности. До чего же самовлюбленный, испорченный мальчишка!

Я смеюсь, когда он крутит рубашкой вокруг головы и швыряет ее в меня, а потом снова прижимается ко мне. Просунув руку мне под шею, он приникает к губам.

Впервые Грейсон пробрался ко мне в комнату чуть больше месяца назад и с самого начала дал понять, что не собирается заводить роман. Я же дала ему понять, что он меня совершенно не интересует, так что, само собой, мы сразу подружились. Разумеется, он – один из моих немногих школьных знакомых, поэтому я боюсь испортить то хорошее, что нас связывает, то есть – ничто.

Он находится здесь меньше трех минут, а уже засунул руку мне под футболку. Похоже, прибыл не для бесед. Его губы скользят с моих губ к шее, и я пользуюсь секундной передышкой, чтобы глубоко вздохнуть и снова попытаться что-нибудь почувствовать.

Хоть что-то.

Смутно ощущая, как губы медленно продвигаются к моей груди, я останавливаю взгляд на светящихся в темноте звездочках, прикрепленных к потолку над моей кроватью. Их всего семьдесят шесть. Я это знаю, потому что за последние несколько недель у меня была уйма времени их сосчитать, находясь в том же неудобном положении. Я лежу, бесчувственная, как бревно, а Грейсон пытливыми возбужденными губами обследует мои лицо и шею, а иногда и грудь.

Как – неужели я позволю ему это сделать, если самой мне безразлично?

У меня никогда не возникает эмоциональная близость с парнями, с которыми я встречаюсь. Вернее, с парнями, которые встречаются со мной. К сожалению, отношения эти односторонние. Только один-единственный парень вызывал у меня нечто вроде физического или эмоционального отклика. Его звали Мэтт, и мы встречались меньше месяца, пока меня не доконала его идиосинкразия. Как, например, он пил воду из бутылки только через соломинку. Или как раздувались у него ноздри перед тем поцелуем. Или как он говорил: «Я тебя люблю» – всего через три недели после того, как мы стали парой.

Да уж. Ну и шустрый парнишка был Мэтти. Шалун.

В прежние времена мы с Сикс не раз пытались проанализировать отсутствие у меня физической реакции на парней. Она даже подозревала во мне лесби.

Однажды, когда нам было по шестнадцать, мы проверили эту «теорию» поспешным и неловким поцелуем и решили, что дело не в этом. Суть не в том, что мне не нравится встречаться с парнями. Мне это нравится, иначе я бы не стала этим заниматься. И нравится по другим причинам, чем прочим девчонкам. Я никогда никем не увлекалась с бухты-барахты. У меня не бывает нервного озноба. Мне чужда сама идея потерять из-за кого-то голову. Настоящая причина, по которой мне нравится встречаться с парнями, – это приятное состояние полного оцепенения, в которое я впадаю. Как и сейчас с Грейсоном, когда рассудок полностью отключен, и мне нравится это ощущение.

Мой взгляд сосредоточен на семнадцати звездах в верхнем правом квадранте созвездия на потолке, когда я вдруг резко выхожу из ступора. Руки Грейсона дерзнули продвинуться дальше, чем я позволяла прежде. До меня доходит, что он расстегнул мои джинсы и его пальцы подбираются к краю трусиков.

– Нет, Грейсон, – отталкивая его руку, шепчу я.

Он со стоном убирает ее, потом утыкается лбом в мою подушку.

– Ну же, Скай.

Он тяжело дышит мне в шею и, опершись на правое плечо, смотрит на меня сверху вниз со своей обольстительной улыбкой.

Я говорила, что невосприимчива к его сексуальной ухмылочке?

– И долго ты собираешься продолжать это?

Он проводит рукой по моему животу и снова просовывает в джинсы кончики пальцев.

У меня по коже бегут мурашки.

– Что продолжать?

Я пытаюсь высвободиться из-под него.

Приподнявшись на руках, он смотрит на меня как на тупицу.

– Изображать из себя пай-девочку. Скай, мне надоело. Давай наконец сделаем это.

Это возвращает меня к тому, что я, вопреки общему мнению, не шлюха. Я не занималась сексом ни с одним из парней, с которыми встречалась, включая обиженного Грейсона. Пожалуй, такое отсутствие сексуальности могло бы облегчить мне случайный секс. Однако именно это может стать причиной, по которой мне не следует им заниматься. Стоит мне перейти эту черту, слухи обо мне перестанут быть слухами. Они превратятся в факты. А мне меньше всего хотелось, чтобы они подтвердились. Наверное, мои без малого восемнадцать лет девственности можно записать на счет упрямства.

Впервые за те десять минут, что он здесь находится, я ощущаю исходящий от него запах спиртного.

– Ты пьян. – Я толкаю его в грудь. – Я же просила тебя не приходить сюда пьяным.

Он перекатывается через меня, и я встаю, чтобы застегнуть джинсы и поправить футболку. Я даже рада, что он нетрезв. Поскорей бы ушел.

Он садится на край кровати и притягивает меня к себе. Обхватив руками, он утыкается головой мне в живот.

– Прости, – говорит он. – Я очень хочу тебя и, наверное, не смогу приходить, если ты не позволишь мне овладеть тобой.

Он опускает руки и берет меня за ягодицы, а губами прижимается к полоске кожи между футболкой и джинсами.

– Так не приходи.

Я закатываю глаза и пячусь от него, затем иду к окну. Отодвинув штору, я вижу, что Джексон уже выбирается из окна Сикс. Нам обеим как-то удалось ужать часовой визит до десяти минут. Я мельком взглядываю на Сикс, а та в ответ

бросает на меня взгляд умудренного жизнью человека – пора, мол, попробовать что-то новенькое.

Вслед за Джексонном она вылезает из окна и подходит ко мне:

– Грейсон тоже под мухой?

Я киваю, потом поворачиваюсь и смотрю на Грейсона, лежащего на спине. Ему, похоже, невдомек, что ему здесь больше не рады. Я подхожу к кровати, поднимаю его рубашку и швыряю ему в лицо.

– Уходи, – говорю я.

Он смотрит на меня снизу вверх, изогнув бровь, но, поняв, что я не шучу, с недовольным видом слезает с кровати. Надувшись, как четырехлетка, он засовывает ноги в ботинки. Я отхожу в сторону, чтобы пропустить его.

Сикс дожидается, пока Грейсон не вылезет из окна, потом сама залезает и в это время слышит, как один из парней невнятно произносит слово «шлюхи». Оказавшись у меня в спальне, Сикс закатывает глаза, а затем высовывает голову из окна.

– Интересно, почему это мы шлюхи, раз ты не трахалась? Придурки. – Она закрывает окно, подходит к кровати и плюхается на нее, заложив руки за голову. – Еще один обломался.

Я смеюсь, но почти сразу умолкаю, услышав громкий стук в дверь спальни. Я без промедления отпираю и отступаю в сторону, впуская Карен. Материнский инстинкт не подвел ее. Она с грозным видом осматривается по сторонам и обнаруживает на кровати Сикс.

– Черт побери! – произносит она, повернувшись ко мне, и мрачно упирает руки в бока. – Могу поклясться, что слышала мальчишеские голоса.

Пытаясь скрыть охватившую меня панику, я направляюсь к кровати.

– И ты, похоже, разочарована, потому что... – Иногда я совершенно не понимаю ее реакции. Как я уже говорила... эта ее противоречивость...

– Через месяц тебе исполнится восемнадцать. Жду не дождусь, когда ты наконец приобщишься к этому. Пора уделять сексу чуть больше внимания, детка.

Понимая, что это всего лишь шутка, я с облегчением вздыхаю. Мне немного стыдно: она ведь даже не догадывается о том, что пятью минутами раньше ее дочь лапали в этой самой комнате. Сердце стучит так громко, что я боюсь, как бы Карен не услышала.

– Карен, – окликает ее Сикс. – Если вам от этого полегчает, то знайте, что с нами только что развлекались два горячих парня, но мы прогнали их как раз перед вашим приходом, потому что они были под мухой.

У меня отвисает челюсть, и, повернувшись, я посылаю Сикс взгляд, пытаюсь донести до нее, что сарказм не смешон, когда он правда.

Карен смеется:

– Что ж, может быть, завтра вам достанутся какие-нибудь милые трезвые мальчики.

Пожалуй, мне можно не беспокоиться, что Карен услышит стук моего сердца, потому что оно вовсе остановилось.

– Трезвые мальчики? Думаю, я смогу это устроить, – подмигивает мне Сикс.

– Останешься на ночь? – спрашивает Карен, направляясь к двери.

Сикс пожимает плечами:

– Наверное, сегодня останемся у меня. Последнюю неделю сплю в своей постели, а потом уезжаю на полгода. К тому же у меня на плоском экране есть записи Ченнинга Татума[1 - Голливудский актер, продюсер и модель, 1980 года рождения. – Здесь и далее прим. перев.].

Я мельком смотрю на Карен и замечаю, что начинается.

- Не надо, мама. - Направляясь к ней, я вижу, как ее глаза застилает пелена слез. - Нет, нет, нет!

Но уже слишком поздно. Она ревет в голос. Чего я не выношу, так это ее плача. Не потому, что он вызывает у меня сочувствие, - напротив, дико раздражает. И это так странно.

- Ну, еще разок, - говорит она, устремляясь к Сикс.

Сегодня мама уже обнимала Сикс раз десять. Мне начинает казаться, что отъезд Сикс огорчает ее больше, чем меня. Сикс отвечает на одиннадцатое объятие Карен и подмигивает мне через ее плечо. Приходится буквально отрывать их друг от друга, чтобы дать Карен выйти из комнаты.

Подойдя к двери, она в последний раз оборачивается.

- Желаю тебе познакомиться с горячим итальянским парнем, - говорит она Сикс.

- Лучше даже не с одним, - невозмутимо откликается та.

Когда за Карен закрывается дверь, я прыгаю на кровать и хлопаю Сикс по руке.

- Ну ты и стерва, - говорю. - Это совсем не смешно. Я думала, что попалась.

Она смеется и, хватая меня за руку, поднимается на ноги:

- Пойдем. У меня есть «Роки-роуд».

Ей не приходится приглашать дважды.

Понедельник, 27 августа 2012 года

7 часов 15 минут

Я прикидывала, не пробежаться ли утром, но в итоге заснула. Я бегаю каждое утро, кроме воскресенья, но сегодня нет смысла вставать слишком рано. Первый день в школе сам по себе уже пытка, и я решаю отложить пробежку на время после занятий.

К счастью, я уже год езжу на собственной машине и поэтому в состоянии сама добраться до школы вовремя. Я даже приезжаю на сорок пять минут раньше. Моя машина третья на стоянке, и мне достается хорошее место.

До занятий я решаю осмотреть стадион рядом с парковкой. Если придется участвовать в отборочных соревнованиях по легкой атлетике, то я, по крайней мере, буду знать, куда идти. Да и не сидеть же мне полчаса в машине, считая минуты.

Подойдя к стадиону, я замечаю какого-то парня, который бегает по кругу, и поднимаюсь на открытую трибуну. Я сажусь на самый верх и обзираю непривычную панораму. Отсюда мне видно все здание школы. Она не кажется такой уж большой и грозной, как я себе представляла. Сикс нарисовала мне карту и даже написала несколько советов. Я вытаскиваю из рюкзака листок бумаги и впервые рассматриваю его. Наверное, она очень старалась, поскольку переживала, что покидает меня.

Я смотрю на школьную территорию, потом снова на карту. Все достаточно просто. Классные комнаты расположены в правой части здания. Столовая – в левой. Площадка для легкой атлетики позади гимнастического зала. У меня длинный список советов Сикс, и я приступаю к чтению.

– Никогда не пользуйся туалетом у научной лаборатории. Никогда. Ни за что.

– Носи рюкзак только на одном плече. Никогда на спине, это глупо.

– Всегда проверяй дату на пакете молока.

– Подружись со Стюартом из отдела технического обслуживания. Хорошо бы заручиться его поддержкой.

– Кафетерий. Всячески избегай его, но если зайдешь в плохую погоду, сделай вид, что у тебя все под контролем. Они чувствуют страх.

– Если по математике у тебя будет мистер Деклар, садись подальше и не смотри на него. Он любит старшеклассниц – ну, ты поняла. Или садись в первом ряду, пятерки тебе обеспечены.

Список продолжается, но я не могу читать дальше. Меня заклинило на словах «они чувствуют страх». В такие моменты я жалею, что у меня нет сотового, а то сразу бы позвонила Сикс и потребовала объяснения. Сложив листок, я кладу его в сумку и перевожу взгляд на одинокого бегуна. Он делает на беговой дорожке упражнения на растяжку, повернувшись ко мне спиной. Не знаю, ученик он или тренер, но если бы Грейсон увидел этого парня без футболки, то перестал бы светить своим прессом.

Парень поднимается и, даже не взглянув на меня, идет в сторону трибун. Он выходит за ворота и направляется к машине на парковке. Открыв дверь, достает с переднего сиденья футболку и натягивает ее через голову. Потом запрыгивает в машину и уезжает. Парковка к этому времени начинает быстро заполняться.

О господи!

Я хватаю рюкзак и намеренно продеваю в лямки обе руки, после чего спускаюсь по лестнице, ведущей напрямиком в Ад.

* * *

Я сказала «Ад»? Это еще мягко сказано. Муниципальная школа – это все, чего я боялась, и даже хуже. Классные комнаты еще ничего себе, но меня угораздило (в силу необходимости и неведения) зайти в туалет у научной лаборатории. Я, правда, выжила, но впечатлений осталось на всю жизнь. Достаточно и того, что Сикс в своей памятке назвала это место настоящим борделем.

Скоро начнется четвертый урок, и почти от каждой девчонки, встретившейся мне в коридорах, я услышала не очень внятно произнесенные шепотом слова «шлюха» и «потаскуха». А куча долларовых купюр, выпавших из моего шкафчика вместе с запиской, откровенно показывает, что мне здесь не сильно рады. Записка подписана директором, но в это верится с трудом, поскольку слово «твоего» написано как «твоево». В записке сказано: «Извини, шлюшка, что в комплект твоево шкафчика не входит шест для стриптиза».

Неловко улыбаясь, я таращусь на записку, со стыдом принимая жизнь, добровольно избранную на два следующих семестра. Я искренне считала, что люди поступают так только в книгах, а теперь на собственном опыте убеждаюсь, что идиоты действительно существуют. Остается надеяться, что шутки на мой счет сведутся к чаевым стриптизерши, как сейчас. Какая дура швыряется деньгами, чтобы оскорбить? Полагаю, богатая. Или богатые.

Хихикающие девицы в дорогих шмотках у меня за спиной, конечно же, ждут, когда я побросаю вещи и со слезами помчусь в ближайший туалет. Их ожиданиям не суждено сбыться по трем причинам.

Я никогда не плачу. Никогда.

Я уже была в этой уборной и ни за что больше туда не пойду.

Я люблю деньги. Зачем бежать?

Я ставлю рюкзак на пол и поднимаю деньги. По полу разбросано не менее двадцати долларовых купюр, а в шкафчике остается больше десяти. Эти я тоже сгребаю и засовываю в рюкзак. Схватив учебники, запираю шкафчик, потом с улыбкой надеваю рюкзак:

- Передайте своим папочкам благодарность от меня.

Игнорируя злобные взгляды, я прохожу мимо стайки девиц, которым уже не смешно.

* * *

На большой перемене я смотрю на потоки дождя, которые заливают двор, и думаю, что это месть судьбы. Только непонятно, кому именно.

«Я справлюсь».

Взявшись за ручку двери кафетерия, я открываю ее, почти готовая увидеть адское пламя. Я переступаю через порог, но встречает меня не огонь, а невообразимый шум. Такое впечатление, что каждый пытается перекричать соседа. Господи, я поступила в школу, где состязаются во всем.

Я изо всех стараюсь изобразить уверенность, не желая привлекать к себе ненужное внимание парней, группировок, изгоев или Грейсона. Мне удастся проделать полпути к раздаче, когда вдруг кто-то берет меня под руку.

– Я тебя поджидал, – говорит он.

Я не успеваю толком рассмотреть его лицо, а он уже, пробираясь между столами, ведет меня через кафетерий. Надо бы воспротивиться этому неожиданному вмешательству, но такая удивительная вещь происходит со мной впервые. Он тянет меня за руку. Я перестаю сопротивляться и вливаюсь в поток.

При взгляде на него со спины чувствуется стиль, каким бы странным он ни был. На нем фланелевая рубашка, отделанная по краю тканью того же ярко-розового оттенка, что и кроссовки. Брюки черные, обтягивающие и выгодно подчеркивающие фигуру... если бы речь шла о девушке. В его случае они подчеркивают хрупкость. Темно-каштановые волосы коротко острижены по бокам и чуть длиннее на макушке. Его глаза... в упор смотрят на меня. Тут я смекаю, что мы остановились и он уже не держит меня за руку.

– Если только ты не вавилонская блудница.

Он улыбается. Вопреки сказанному, выражение его лица на удивление дружелюбное. Он садится за стол и жестом приглашает меня последовать его примеру. Перед ним два подноса. Он придвигает ко мне один:

– Садись. Нам надо заключить союз.

Я не сажусь. Некоторое время обдумываю ситуацию. Я понятия не имею, кто этот паренек, но он ведет себя так, словно ждал меня. Не стоит игнорировать и то, что он назвал меня блудницей. И, судя по всему, купил мне... обед? Пытаюсь разгадать его замысел, я искоса смотрю на него, но тут замечаю на стуле рядом с ним рюкзак.

– Любишь читать? – спрашиваю я, указывая на книгу, уголок которой торчит из рюкзака. Это не учебник, а обычная книга. То, что я считала потерянным для нынешнего поколения фанатиков Интернета. Протянув руку, я вытаскиваю ее и сажусь напротив. – Какой жанр? Только не говори, пожалуйста, что это научная фантастика.

Он откидывается на стуле и ухмыляется с видом, будто что-то выиграл. Черт, может, оно и так. Я ведь сижу перед ним.

– Разве жанр имеет значение, если книга интересная? – говорит он.

Я листаю страницы, пытаюсь понять, роман это или нет. Я большая любительница романов, как и мой собеседник, судя по виду.

– А эта? – листая книгу, спрашиваю я. – Интересная?

– Да. Возьми себе. Я как раз дочитал на лабораторной.

Я поднимаю на него взгляд и замечаю, что он по-прежнему сияет от сознания своей победы. Я засовываю книгу к себе рюкзак и смотрю, что у меня на подносе. Прежде всего, проверяю дату на пакете с молоком. Свежее.

– А вдруг я вегетарианка? – спрашиваю я, глядя на куриную грудку с салатом.

– Тогда ешь гарнир.

Я беру вилку, нанизываю на нее кусок и подношу ко рту.

– Ну, тебе повезло, потому что я не вегетарианка.

Он с улыбкой берет вилку и начинает есть.

- Против кого мы заключаем союз?

Мне любопытно знать, почему выбрали именно меня.

Он оглядывается по сторонам и, подняв руку, размахивает ею туда-сюда:

- Придурки. Качки. Фанаты. Потаскушки. - Он опускает руку, и я замечаю, что ногти у него выкрашены в черный цвет. Увидев, что я смотрю, он кривит губы. - Черный лучше отражает мое нынешнее настроение. Если поддержишь меня, переключусь на что-нибудь более жизнерадостное. Возможно, желтый.

- Ненавижу желтый, - качаю я головой. - Пусть будет черный - как твоя душа.

Он смеется. Его искренний смех вызывает у меня улыбку. Мне нравится... этот паренек. Но я даже не знаю имени.

- Как тебя зовут? - спрашиваю я.

- Брекин. А тебя Скай. По крайней мере, так я считаю. Пожалуй, надо бы убедиться, прежде чем познакомить тебя с деталями моего коварного садистского плана захвата школы нашим союзом.

- Я действительно Скай. А тебе не о чем беспокоиться, поскольку пока ты не раскрыл никаких деталей своего коварного плана. Интересно, однако, откуда ты меня знаешь. Я знакома с четырьмя или пятью ребятами из этой школы и с каждым из них встречалась. Ты не из их числа, так в чем же дело?

На долю секунды я замечаю в его глазах проблеск сожаления. Повезло же ему, что это был только проблеск.

Брекин пожимает плечами:

- Я здесь новичок. Если ты еще не поняла по моему безукоризненному чувству стиля, могу признаться, что я... - Он наклоняется вперед и прикрывает рот

ладонью. – Мормон, – шепчет он.

Я смеюсь:

– А я решила, ты скажешь: «Гей».

– И это тоже, – говорит он, взмахивая кистью. Затем складывает руки под подбородком и подается ко мне. – Seriously, Скай. Сегодня я заметил тебя в классе и понял, что ты тоже новенькая. А когда увидел, как перед четвертым уроком из твоего шкафчика выпали эти деньги, а ты и бровью не повела, понял, что мы с тобой заодно. Вот и подумал: если мы объединимся, то сможем в этом году предупредить по меньшей мере два подростковых самоубийства. Ну, что скажешь? Хочешь быть моим лучшим другом на всем белом свете?

Я смеюсь. Как не посмеяться?

– Конечно. Но если твоя книга – отстой, придется сделать переоценку дружбы.

Понедельник, 27 августа 2012 года

15 часов 55 минут

Так получилось, что Брекин стал для меня Божьей милостью... и он действительно мормон. У нас много общего, и многое нас отличает, что делает его еще симпатичнее. Он тоже был усыновлен, но поддерживает тесные отношения с семьей настоящих родителей. У Брекина есть два брата – не приемные и не геи, – поэтому неродные родители объясняют его гомосексуальные наклонности происхождением из другой семьи. Он говорит, они надеются, что, если усердно молиться, все это постепенно пройдет к окончанию школы, но сам он уверен, что оно, напротив, расцветет пышным цветом.

Он мечтает стать знаменитой бродвейской звездой, но признается, что у него нет способностей к пению или актерской игре, а потому придется отказаться от этой мечты и поступить в коммерческий колледж. Я рассказала ему, что хочу изучать литературное мастерство и заниматься только тем, что сидеть в штанах

для йоги, писать книги и есть мороженое. Он спросил, в каком жанре я собираюсь работать, и я ответила:

- Неважно, было бы хорошо написано, верно?

Думаю, это замечание решило нашу судьбу.

Сейчас я иду домой, размышляя, написать ли Сикс об удивительных событиях первого дня или пойти в магазин за дозой кофеина, необходимой мне перед ежедневной пробежкой.

Побеждает кофеин, несмотря на то что моя любовь к Сикс немного перевешивает.

Мое минимальное участие в ведении семейного хозяйства заключается в еженедельной закупке продуктов. Благодаря нешаблонному веганскому подходу Карен к питанию, вся еда в нашем доме без сахара, без углеводов и без вкуса, поэтому я предпочитаю отовариваться сама. Хватаю упаковку из шести бутылок содовой и самый большой пакет сникерсов, бросаю в тележку. У меня в спальне есть замечательный тайник для припасов. Большинство подростков припрятывают сигареты и травку, а я - сласти.

Дойдя до кассы, я узнаю девушку, пробивающую чек. Она была со мной на втором уроке английского. Я уверена, что ее зовут Шейна, но на бейджике значится Шейла. В Шейне / Шейле есть все, о чем можно мечтать. Высокая и загорелая соблазнительная блондинка. В хорошие дни я тоже ничего себе. Можно было бы постричь мои прямые каштановые волосы или даже сделать мелирование. Но волос у меня целая копна, и будет не так-то легко содержать их в порядке. Они спадают с плеч дюймов на шесть, но из-за жары и влажности я обычно убираю их наверх.

- У нас естествознание? - спрашивает Шейна / Шейла.

- Английский, - поправляю я.

Она бросает на меня снисходительный взгляд.

– А я и говорила по-английски, – обиженно произносит она. – Я спросила: «У нас естествознание?»»

Боже правый! Может, такой блондинкой мне быть вовсе не хочется.

– Нет, – отвечаю. – Я имела в виду, что у нас с тобой общий английский, а не естествознание.

Несколько мгновений она тупо смотрит на меня, потом смеется:

– А-а!

На ее лице появляется осмысленное выражение. Она смотрит на монитор и называет сумму. Я засовываю руку в задний карман джинсов и достаю кредитную карту, стремясь поскорей закончить этот не слишком умный разговор.

– Бог мой, – тихо произносит она. – Посмотри, кто там сзади.

Я поднимаю на нее взгляд. Она пристально смотрит на кого-то, стоящего неподалеку в очереди к соседней кассе.

Нет, выразусь точнее. Она исходит слюной, глядя на кого-то, стоящего в очереди к соседней кассе.

– Привет, Холдер, – обольстительно произносит она, сверкая белозубой улыбкой.

Неужели она хлопает ресницами? Угу. Она и впрямь похлопала ресницами. Я всерьез полагала, что такое можно увидеть только в мультиках.

Я оборачиваюсь посмотреть, кто такой этот Холдер, которому удалось развеять подобие самоуважения, оставшегося у Шейны / Шейлы. Парень смотрит на нее и с безразличным видом кивает в знак того, что узнал.

– Привет... – Он скашивает взгляд на ее биджик. – Шейла. – Потом поворачивается к своей кассирше.

Неужели проигнорировал? Одна из самых смазливых девиц в школе откровенно завлекает его, а он раздражается. Он вообще из человеческой породы? Ребята, которых я знаю, так бы себя не вели.

Она фыркает.

- Шейна, - поправляет она, досадуя на то, что он не знает ее имени.

Я поворачиваюсь к Шейне и провожу кредитку через считывающее устройство.

- Извини, - обращается он к ней. - Ты ведь знаешь, что на твоём биджике написано «Шейла»?

Она скашивает и приподнимает биджик, чтобы прочитать.

- Ха! - Погрузившись в раздумья, она сдвигает брови. Было бы куда погружаться! - Когда ты вернулся? - спрашивает она Холдера, напрочь игнорируя меня.

Я только что провела свою кредитку и почти уверена, что теперь очередь за Шейной, но она поглощена мыслями о скорой свадьбе с этим парнем и начисто забыла, что у нее клиент.

- На прошлой неделе, - отрывисто отвечает он.

- А тебе разрешат вернуться в школу?

С места, где я стою, слышно, как он вздыхает.

- Это неважно, - бесстрастно произносит он. - Я не вернусь.

Это последнее высказывание вызывает явное неодобрение Шейны / Шейлы. Закатив глаза, она обращает внимание на меня.

- Досадно, что к такому телу не прилагаются мозги, - шепчет она.

От меня не ускользает ирония ее утверждения.

Когда она наконец начинает набивать цифры на кассовом аппарате, я пользуюсь возможностью оглянуться вторично. Мне любопытно еще раз взглянуть на парня, которого бесит длинноногая блондинка. Посмеиваясь над словами кассирши, он заглядывает в свой бумажник. Я сразу замечаю три вещи:

Чарующая улыбка, обнажающая идеальные белые зубы.

Ямочки, появляющиеся в уголках губ и на щеках, когда он улыбается.

Меня бросает в жар.

Или это томление. Или, может быть, пищевая инфекция.

Чувство это мне совершенно незнакомо. Я вообще не понимаю, что со мной творится. Не знаю, что в нем такого особенного и откуда у меня впервые появилась нормальная биологическая реакция на другого человека. Пожалуй, я никогда не видела ничего подобного. Он красив, но не приторной красотой смазливых мальчиков. На крутого парня он тоже не тянет. Просто-напросто идеальная смесь того и другого. Не слишком рослый, но и не маленький. Ни излишней грубости, ни идеального совершенства. На нем джинсы и белая футболка, ничего особенного. Не похоже, чтобы он сегодня причесывался, да и хорошая стрижка ему бы не помешала, как и мне. Волосы у него довольно длинные спереди, и, когда он поднимает глаза и ловит на себе мой пристальный взгляд, ему приходится откидывать их с лица.

Черт!

Обычно, когда на меня смотрят в упор, я сразу отвожу глаза, но в его взгляде есть нечто странное, отчего мой взор приковывается к нему. Улыбка моментально сходит с его лица, и он поднимает голову. В глазах появляется пытлиное выражение, и он медленно качает головой – то ли с недоверием, то ли с... отвращением? Не знаю, что за этим кроется, но реакция явно негативная. В надежде, что причина этого неудовольствия не во мне, я озираюсь по сторонам. Потом вновь оборачиваюсь к нему. Он продолжает глазеть на меня.

На меня.

Я, мягко говоря, взволнована и поспешно поворачиваюсь к Шейле. Или Шейне. Как бишь там ее. Мне надо прийти в себя. Каким-то образом этому парню удалось за минуту привести меня в экстаз, а потом до смерти напугать. Такая неоднозначная реакция едва ли хорошо скажется на моем лишенном кофеина организме. Я бы скорей предпочла, чтобы он смотрел на меня с тем же безразличием, что и на Шейну / Шейлу, нежели таким взглядом. Я хватаю чек у «как там ее» и сую в карман.

– Привет.

От его низкого требовательного голоса у меня моментально перехватывает дыхание. Я не знаю, обращается ли он ко мне или к «как там ее», поэтому подхватываю пакеты с продуктами, надеясь добраться до машины, пока он оплачивает свои покупки.

– Кажется, он обращается к тебе, – произносит она.

Я хватаю оставшиеся пакеты и, игнорируя ее, поспешно направляюсь к выходу.

Дойдя до машины, я со вздохом облегчения открываю заднюю дверь, чтобы положить продукты. Что за фигня со мной происходит? Мое внимание пытается привлечь симпатичный парень, а я убегаю? Обычно я не стесняюсь. Я даже чересчур самонадеянна. Пожалуй, впервые в жизни я испытала влечение и сразу бегу.

Сикс меня убьет.

Но этот взгляд! Он так взволновал меня! Я испытала неловкость и смущение, но в то же время была польщена. Мне непривычны подобные эмоции – особенно когда их несколько кряду.

– Привет.

Я замираю. Сейчас, без сомнения, он обращается ко мне.

Я по-прежнему не в состоянии понять, что это – томное щекоотание в животе или вирус, но, как бы то ни было, его голос проникает в самое мое нутро, и мне это не нравится. Я сжимаюсь и медленно оборачиваюсь, понимая вдруг, что от моей прежней уверенности не осталось и следа.

Одной рукой он держит два пакета, а другой потирает загривок. Вот бы снова пошел дождь и он бы здесь не торчал. Парень смотрит мне в глаза, и недавний презрительный взгляд уступает место кривой улыбке, которая в этой ситуации кажется несколько натянутой. Рассмотрев его внимательнее, я понимаю, что причина неожиданных желудочных симптомов – вовсе не инфекция.

Это просто он сам.

Все в нем – от взъерошенных темных волос до ярких голубых глаз, до этих... ямочек и мускулистых рук, которые хочется потрогать.

«Потрогать? Ты что, Скай? Держи себя в руках!»

При взгляде на него перехватывает дыхание и сердце начинает бешено колотиться. У меня такое ощущение, что улыбнись он мне обольстительной улыбкой (как это пытается сделать Грейсон), и я немедленно разденусь перед ним.

Как только я перестаю таращиться на его фигуру и мы вновь встречаемся взглядами, он перекладывает пакеты в левую руку.

– Я Холдер, – говорит он, протягивая ладонь.

Я смотрю на его руку и, не пожав ее, пчусь. Вся ситуация вызывает у меня чувство неловкости, чтобы поверить в невинность этого представления. Может, если бы в магазине он не смотрел так пристально, меня вернее сразило бы его физическое совершенство.

– Что тебе нужно?

Я нарочно смотрю на него с подозрением, чтобы скрыть восторг.

Он отрывисто смеется и качает головой, при этом в уголках губ вновь появляются ямочки. Потом отводит глаза.

- Мм.

Это нервное заикание совершенно не соответствует его самоуверенному поведению. словно желая сбежать, он обшаривает взглядом парковку, а затем со вздохом вновь останавливает взор на мне. Быстрая смена его настроений приводит в сильное замешательство. В один момент его словно раздражает мое присутствие, а в следующий - он уже готов преследовать меня. Обычно я неплохо разбираюсь в людях, но если бы меня попросили оценить Холдера исходя из опыта двух последних минут, я сказала бы, что он страдает раздвоением личности. Сбивают с толку его резкие переходы от беспечности к ревнию.

- Не хочу показаться банальным, - говорит он. - Но твое лицо кажется мне знакомым. Ничего, если я спрошу, как тебя зовут?

Едва эти слова срываются с его губ, как я начинаю испытывать разочарование. Он один из тех парней. Вы знаете, о ком я. Те обалденные парни, которым ничего не стоит подцепить любую девчонку в любое время и в любом месте, - и они об этом знают. Те, кому достаточно криво ухмыльнуться, поиграть ямочками на щеках или спросить девушку, как ее зовут, и она уже тает, а потом оказывается перед ними на коленях. Те ребята, которые субботними вечерами залезают в окна.

Я сильно разочарована. Закатив глаза, пытаюсь не глядя открыть дверь машины.

- У меня есть парень, - вру я.

Развернувшись, открываю ее и забираюсь в машину. Хочу захлопнуть дверь, но встречаю сопротивление. Подняв глаза, вижу, что он придерживает ее. Взгляд его выражает гнетущее отчаяние, от которого у меня по рукам бегут мурашки.

Он смотрит, а я дрожу? Кто же я такая, черт побери?

- Твое имя. Это все, что мне нужно.

Я прикидываю, следует ли объяснять, что мое имя не поможет ему в его поползновениях. Вероятно, я единственная семнадцатилетняя особа в Америке, не пользующаяся Интернетом. Продолжая сжимать дверную ручку, я сражаю его сердитым взглядом.

– Не возражаешь? – резко произношу я, метнувшись взглядом к руке, не дающей закрыть дверь.

С его кисти мой взор перемещается на татуировку, мелким шрифтом нанесенную на предплечье:

«Хоуплесс».

Без надежды. Или безнадежный. Я с трудом сдерживаю смех. Быть мне нынче мишенью возмездия Судьбы. Наконец-то я встретила парня, который мне понравился, а его, оказывается, выгнали из школы, и на нем татуировка «Хоуплесс» – «Без надежды».

Я раздосадована и снова дергаю дверь, но он не отпускает.

– Твое имя. Пожалуйста.

Отчаяние, с которым он произносит слово «пожалуйста», неожиданно вызывает во мне сочувствие.

– Скай, – отрывисто произношу я, смягченная страданием, прячущимся в этих голубых глазах.

Я разочарована легкостью, с которой уступаю его просьбе под действием одного лишь взгляда. Я отпускаю дверь и включаю зажигание.

– Скай, – повторяет он. На миг задумывается, потом качает головой, словно сомневаясь в правильности ответа. – Ты уверена? – наклоняя голову, спрашивает он.

Уверена ли я? Неужели он думает, что я, как Шейна / Шейла, не знаю собственного имени? Закатывая глаза, достаю из кармана удостоверение

личности и подношу к его лицу.

– Само собой, я знаю, как меня зовут.

Я уже собираюсь убрать корочки, когда он выхватывает их, чтобы получше рассмотреть. Несколько мгновений изучает, потом щелкает по ним и отдает.

– Извини. – Он отступает от моей машины. – Я ошибся.

С посуровевшим выражением лица он наблюдает, как я кладу удостоверение в карман. Ожидая продолжения, я вперяюсь в него пристальным взглядом, но он лишь играет желваками.

Он так легко отказывается от мысли пригласить меня на свидание? Seriously? Я дотрагиваюсь пальцами до дверной ручки, ожидая, что он сделает очередную неуклюжую попытку подцепить меня. Но этого не происходит, и он отступает от машины еще дальше, а я захлопываю дверь. Какого черта он пошел за мной, если никуда не зовет?

Он проводит рукой по волосам и что-то бормочет, но через закрытое окно мне ничего не слышно. Включив заднюю передачу и наблюдая за ним, я выезжаю с парковки. Он остается на месте, не сводя с меня глаз. Выезжая с парковки, я регулирую зеркало заднего вида, чтобы бросить на него последний взгляд. Я смотрю, как он перед уходом с размаху ударяет кулаком по капоту какой-то машины.

Ну и дела! Какой характер!

Понедельник, 27 августа 2012 года

16 часов 47 минут

Разложив продукты, я достаю из тайника пригоршню шоколадных конфет, сую в карман и вылезаю из окна. Потом поднимаю окно Сикс и забираюсь в него. Сейчас почти пять часов, и она спит. Я подхожу на цыпочках к кровати и опускаюсь на колени. У нее на лице маска, а русые волосы, намкнув в слюне,

прилипли к щеке. Я низко склоняюсь и кричу:

- СИКС! ПРОСНИСЬ!

Она дергается с такой силой, что я не успеваю отпрянуть. Она заезжает мне локтем в лицо, и я падаю, прикрывая рукой ушибленный глаз. Растянувшись на полу, я смотрю на нее здоровым глазом, а она с хмурым видом садится в кровати.

- Какая же ты стерва, - со стоном произносит она, после чего сбрасывает с себя одеяло и идет в ванную.

- Ты мне глаз подбила, - жалуясь я.

Не закрывая двери ванной, она садится на стульчак.

- Прекрасно. Ты этого заслуживаешь. - Потом она хватает туалетную бумагу и ногой захлопывает дверь. - Надеюсь, ты не зря меня разбудила и расскажешь что-то интересное. Я всю ночь паковала вещи и не спала.

Сикс никогда не была жаворонком, и голубем ее тоже не назовешь. Честно говоря, и на сову она не тянет. Если бы меня спросили, какое у нее самое любимое время суток, то я бы сказала: время, когда она спит. Может быть, именно поэтому она так не любит просыпаться.

Мы хорошо ладим с Сикс, в основном благодаря ее чувству юмора и открытому нраву. Меня дико раздражают бодрые фальшивые девчонки. В лексиконе Сикс даже нет, пожалуй, слов «бодрость духа». Она совершенно не похожа на типичного подростка. А фальшь? Она прямо выскажет все, что думает, хочешь ты этого или нет. В Сикс отсутствует фальшь, за исключением ее имени.

Когда ей было четырнадцать и родители сообщили, что они переезжают из штата Мэн в Техас, она в знак протеста отказалась откликаться на свое имя. Ее настоящее имя Севен[2 - Севен в переводе с английского означает «семь», а Сикс - «шесть».] Мэри, и она, чтобы досадить родителям, настоявшим на переезде, стала откликаться только на Сикс. Родители по-прежнему называют ее Севен, а все прочие - Сикс. Просто она хочет показать, что не уступает мне в

упрямстве, и это одна из многих причин, по которым мы спелись.

– Думаю, ты обрадуешься, что я тебя разбудила. – Я поднимаюсь с пола и ложусь на кровать. – Сегодня произошло нечто грандиозное.

Сикс открывает дверь ванной и идет к кровати. Потом ложится рядом со мной и натягивает одеяло себе на голову. Отвернувшись, она взбивает подушку и устраивается поудобней:

– Дай угадаю... Карен подключилась к кабельному телевидению?

Я придвигаюсь к ней ближе и обнимаю одной рукой:

– Попробуй еще раз.

– Ты познакомилась в школе с парнем, забеременела и скоро выходишь замуж, а я не смогу быть на твоей свадьбе подружкой невесты, потому что окажусь на другом конце света. Так?

– Близко, но не то. – Я барабаню пальцами по ее плечу.

– Тогда что же? – раздраженно произносит она.

Я переворачиваюсь на спину и делаю глубокий вдох:

– После школы я встретила в магазине парня. Блин, Сикс. Он так красив! В нем есть что-то пугающее, но до чего хорош!

Сикс моментально перекатывается на другой бок, умудрившись заехать мне локтем в тот же многострадальный глаз.

– Что? – громко спрашивает она, не обращая внимания на мои стоны. Она садится в кровати и отводит мою руку от лица. – Что? – снова вопит она. – Seriously?

Я продолжаю лежать на спине, пытаюсь отключиться от боли в глазу.

– Да. Едва я посмотрела на него, как почувствовала, что плавлюсь. Он был таким... Вау!

– Ты с ним разговаривала? Взяла у него телефон? Он пригласил тебя на свидание?

Никогда прежде я не видела Сикс такой оживленной. Она чересчур суетлива, и мне, пожалуй, это не нравится.

– Господи, Сикс, остынь!

Она смотрит на меня, нахмутив брови:

– Скай, я четыре года тревожусь за тебя и думала, что этого никогда не произойдет. Меня бы устроило, будь ты лесби. Или если бы тебе нравились только тощие низенькие ботаны. Меня устроило бы даже, если бы тебя тянуло к старым мужикам со сморщенными писюнами. Меня беспокоит только то, что ты не в состоянии испытать похоть. – Она с улыбкой падает на кровать. – Похоть – лучший из всех смертных грехов.

– Позволь не согласиться, – со смехом качаю я головой. – Похоть омерзительна. Мне кажется, все эти годы ты немного переигрывала. Я по-прежнему голосую за чревоугодие. – С этими словами я вытаскиваю из кармана шоколадку и отправляю в рот.

– Расскажи подробнее, – просит она.

Поерзав по кровати, я упираюсь спиной в изголовье:

– Не знаю, как это описать. Глаз не отвести. Я могла бы весь день пялиться на него. Но когда он посмотрел на меня, я чуть с ума не сошла. Он глядел так, словно досадовал, что я заметила его. Потом он пошел за мной к машине и стал спрашивать мое имя, но казалось, что его это злит. Словно я мешала ему. Мне хотелось то облизать ямочки у него на щеках, то провалиться ко всем чертям.

– Он пошел за тобой? К машине? – недоверчиво спрашивает она.

Я киваю и в подробностях рассказываю ей о своей вылазке в магазин вплоть до того момента, когда он вмазал кулаком по капоту соседней машины.

– Господи, как это странно, – говорит она, усаживаясь напротив и приваливаясь к спинке кровати. – Ты уверена, что он не флиртовал с тобой? Не пытался номер? Я ведь знаю, Скай, как ты обращаешься с парнями. Ты умеешь хорошо притворяться, даже если ничего к ним не испытываешь. Не сомневаюсь, ты разбираешься в них, но, может быть, раз он так тебе понравился, твоя хваленая интуиция подвела?

Я пожимаю плечами. Возможно, она права. Я могла неправильно истолковать его поведение, и моя недружественная реакция отвратила его от мысли пригласить меня на свидание.

– Может быть. Но чем бы это ни казалось, все вмиг улетучилось. Он исключен из школы, он неуравновешен, у него дурной характер, и... он просто... он безнадежен. Не знаю, каков мой типаж, но я определенно не хочу, чтобы это был Холдер.

Сикс стискивает мои щеки и поворачивает к себе мое лицо.

– Ты сказала «Холдер»? – спрашивает она, изумленно изогнув изящно очерченную бровь.

Из-за того что она сжимает мои щеки, губы у меня сплющены, поэтому я лишь киваю.

– Дин Холдер? Нечесанные темные волосы? Пронзительные голубые глаза? Характер, как у парней из «Бойцовского клуба»?

Я повожу плечами.

– Похоже на то, – мямлю я еле слышно, поскольку Сикс продолжает сжимать мои щеки. Наконец она снимает ладони с моего лица, и я принимаюсь растирать щеки. – Ты его знаешь?

Она встает и скидывает руки:

- Почему, Скай? Почему из всех ребят ты, черт возьми, выбрала Дина Холдера?

У нее разочарованный вид. Не понимаю почему. Не слышала, чтобы она прежде упоминала Холдера, так что вряд ли встречалась с ним. Черт, неужели такое волнующее начало обернется чем-то очень, очень дурным?

- А объяснить не хочешь?

Она спускает ноги с кровати, идет к стенному шкафу, вытаскивает джинсы и натягивает их.

- Он придурок, Скай. Он учился в нашей школе, но в самом начале прошлого учебного года его отправили в колонию для несовершеннолетних. Я плохо его знаю, но не сомневаюсь, что он не годится в бойфренды.

Ее описание Холдера меня не удивляет и, к несчастью, разочаровывает.

- С каких это пор мы говорим о бойфрендах?

Сдается мне, в жизни Сикс они дольше ночи не задерживаются.

Взглянув на меня, она пожимает плечами:

- Туше!

Натягивает футболку, направляется к раковине, берет зубную щетку, выдавливает на нее пасту, затем возвращается в спальню, на ходу чистит зубы.

- Почему его отправили в колонию? - неуверенно спрашиваю я, ибо не знаю, хочу ли слышать ответ.

Сикс вынимает изо рта щетку:

- Его задержали за преступление на почве ненависти... Избил какого-то гомика из школы.

Она засовывает щетку в рот и идет к раковине сплюнуть.

Преступление на почве ненависти? Неужели? В животе у меня неприятный спазм.

Сикс возвращается в спальню с завязанным конским хвостом.

– Полный отстой, – говорит она, внимательно рассматривая свою бижутерию. – А вдруг ты единственный раз испытала вождеделение и это не повторится?

– Ничего я не испытала, Сикс, – морщусь я.

– Вождеделение. Влечение. Какая разница, – беспечно произносит она, подходя к кровати. Положив одну сережку на колени, другую она подносит к уху. – Ты меня успокоила. Не так-то просто тебя сокрушить. – Сикс прищуривает глаза и наклоняется ко мне. Потом, ущипнув за подбородок, поворачивает мое лицо к свету. – Блин, что случилось с твоим глазом?

Я со смехом скатываюсь с кровати, чтобы опять не попасть ей под горячую руку.

– Ты случилась. – Я иду к окну. – Мне надо проветриться. Пойду пробежусь. Хочешь со мной?

Сикс наморщивает нос:

– Угу... Нет. Приятного бега. – Я успеваю перекинуть через подоконник ногу, когда она окликает меня: – Потом расскажешь о первом дне в школе. И у меня есть для тебя подарок. Приду вечером.

Понедельник, 27 августа 2012 года

17 часов 25 минут

На обратном пути в районе Аспен-роуд мне становится трудно дышать. Тело словно оцепенело. Вместо размеренных вдохов и выдохов я судорожно ловлю

ртом воздух и шумно выдыхаю. В такие моменты бег нравится мне больше всего. Каждая клеточка тела участвует в движении; я четко сосредоточена на следующем шаге и ни на чем другом.

На следующем шаге.

Ни на чем другом.

Я никогда не забегала так далеко. Обычно, пробежав полторы мили, я останавливаюсь за несколько кварталов до этого места, но нынче не остановилась. Несмотря на упадок сил, мне никак не переключиться. Я продолжаю бежать в надежде, что дойду до нужного состояния, но времени на это уходит больше, чем обычно. Меня заставляет остановиться лишь перспектива обратного пути, а у меня почти иссяк запас воды.

Я останавливаюсь у входа на подъездную дорожку и, прислонившись к почтовому ящику, снимаю крышку с бутылки. Утерев пот, подношу бутылку к губам и выпиваю оставшиеся капли. На этой техасской жаре я успела выпить целую бутылку воды. Я молча ругаю себя за то, что пропустила утреннюю пробежку. На жаре я настоящая размазня.

Боясь обезвоживания, я решаю пройти остаток обратного пути пешком, а не бежать. Думаю, Карен не обрадуется, если я доведу себя до физического изнеможения. Она беспокоится за меня даже из-за бега в одиночку.

Я снимаюсь с места и слышу за спиной знакомый голос:

– Эй, привет.

С сильно бьющимся сердцем я медленно оборачиваюсь и вижу Холдера, который с улыбкой смотрит на меня. В уголках рта у него заметны ямочки. Волосы влажные от пота – очевидно, он тоже бежал.

Я моргаю, подозревая мираж, вызванный истощением сил. Инстинкт подсказывает с воплем убежать, а тело жаждет оказаться в его блестящих от пота руках.

Чертово предательское тело!

К счастью, я еще не пришла в себя от пробежки и он не сообразит, что мое заполошное дыхание вызвано встречей с ним.

- Привет, - откликаюсь я сдавленно.

Я изо всех сил стараюсь смотреть ему в лицо, но мой взгляд сам собой опускается ниже. И наконец я упираюсь взором в свои ступни, пытаюсь не замечать, что на нем нет ничего, кроме шортов и кроссовок. Одного того, как свисают с его бедер шорты, достаточно, чтобы отмахнуться от неприятных вещей, которые я узнала о нем. Я никогда не принадлежала к числу девушек, которые падают в обморок от внешности парня. Я чувствую себя жалкой, даже ничтожной. Я немного злюсь, что позволила ему так растрогать себя.

- Бегаешь? - спрашивает он, опираясь локтем на почтовый ящик.

- Обычно по утрам, - киваю я. - Забыла, как жарко бывает днем.

Я пытаюсь взглянуть на Холдера, прикрыв ладонью глаза от солнца, сияющего у него над головой наподобие нимба.

Как странно.

Он протягивает руку, и я вздрагиваю, не сразу сообразив, что он просто предлагает мне бутылку с водой. То, как он сжимает губы, стараясь не улыбнуться, подсказывает мне, что от него не укрылось мое волнение.

- Попей. - Он сует мне полупустую бутылку. - У тебя усталый вид.

Обычно я не беру воду у незнакомых людей, тем более у сомнительных, но я хочу пить. Отчаянно.

Я выхватываю у него бутылку и, запрокинув голову, делаю три огромных глотка. До смерти хочется выпить все, но надо же и ему оставить.

– Спасибо, – говорю я, возвращая бутылку. Вытерев рот рукой, оглядываюсь на тротуар. – Что ж, мне до дома еще полторы мили, так что я пойду.

– Скорее две с половиной, – замечает он, косясь на мой живот.

Не вытирая горлышка бутылки, он подносит ее к губам и залпом допивает воду, при этом не сводит с меня глаз. Помимо своей воли я смотрю на его губы, прижатые к горлышку, к которому только что прикасались мои губы. Мы словно целуемся.

– А? – качаю я головой.

Не могу понять, произнес ли он что-то вслух, поскольку наблюдаю, как по его груди струится пот.

– Я говорю, скорее две с половиной. Ты живешь на Конро, а это дальше чем в двух милях отсюда. На круг получается около пяти.

Похоже, на него это произвело впечатление.

Я смотрю на него с любопытством:

– Ты знаешь, где я живу?

– Ага.

И никаких комментариев. Я не свожу с него взгляда и молчу в ожидании объяснений.

Он понимает, что мне мало «ага», и вздыхает:

– Линден Скай Дэвис, родилась двадцать девятого сентября, Конро-стрит, тысяча четыреста пятьдесят пять. Пять футов три дюйма. Донор.

Я отступаю назад, воображая гибель от рук этого странного преследователя. Чтобы лучше рассмотреть его (на случай если выпутаюсь), я перестаю

прикрываться от солнца. Ведь от меня могут потребовать словесный портрет.

- Твое удостоверение личности, - объясняет он, увидев на моем лице смесь ужаса и смущения. - Ты показывала мне свое удостоверение. У магазина.

Почему-то это объяснение не развеивает моих опасений.

- Ты смотрел в него две секунды.

- У меня хорошая память, - пожимает он плечами.

- Ты меня преследуешь, - невозмутимо говорю я.

- Преследую? - смеется он. - Ты стоишь перед моим домом. - И он указывает через плечо на дом за его спиной.

Его дом? Как это меня угораздило?

Он выпрямляется и барабанит пальцами по буквам на почтовом ящике.

Холдеры.

Я чувствую, как к щекам приливает кровь, но это не важно. После дневной пробежки по тexasской жаре с ограниченным запасом воды пылает все тело. Я стараюсь не оглядываться на его дом, но любопытство пересиливает. Тот довольно скромный, не броский, вполне в духе района для среднего класса, где мы сейчас находимся. Как и автомобиль на подъездной дорожке. Интересно, его ли это машина? Из разговора с «как там ее» в магазине я заключила, что он моего возраста, а потому, вероятно, живет с родителями. Но почему я не видела его раньше? Как я могла не знать, что живу всего в трех милях от дома единственного из всех парней, кому под силу превратить меня в клубок кипучих эмоций?

Я откашливаюсь:

- Что ж, спасибо за воду.

Больше всего мне хочется избавиться от этой неловкости. Я поспешно взмахиваю рукой и срываюсь с места.

– погоди минутку! – кричит он мне вслед. Я не замедляю хода, и он пробегает мимо меня и поворачивает навстречу. – Давай налью тебе воды.

Он выхватывает у меня бутылку, случайно коснувшись рукой моего живота. Я снова цепенею.

– Сейчас вернусь, – говорит он и бежит к дому.

Я в шоке. Совершенно неожиданная любезность. Возможно, еще один побочный эффект раздвоения личности? А вдруг он мутант вроде Халка? Или оборотень? Наверное, Дин – его добрая маска, а Холдер – злая. В продуктовом магазине я определенно видела Холдера. Пожалуй, Дин нравится мне гораздо больше.

Мне неловко ждать, и я возвращаюсь к подъездной дорожке, останавливаясь через каждые два шага и озираясь. Непонятно, что делать. У меня возникает ощущение, что любое решение окажется дурацким.

Остаться?

Или убежать?

А может быть, спрятаться в кустах, пока он не вышел на улицу с ножом и наручниками?

Я так и не успеваю убежать, а входная дверь распаивается, и он выходит с полной бутылкой воды. На этот раз солнце у меня за спиной, и мне отлично его видно. Не очень-то это здорово, поскольку я начинаю пялиться на него.

Фу ты! Терпеть не могу похоть!

Ненавижу. Ее.

Всеми фибрами души я понимаю, что он нехороший человек, но мое тело совершенно не считается с этим.

Он протягивает мне бутылку, и я быстро делаю еще несколько глотков. Ненавижу техасскую жару саму по себе, но в сочетании с Дином Холдером это сущее преддверие Ада.

- Так... что насчет магазина? - неловко запинаясь, произносит он. - Извини, если смутил.

Мне катастрофически не хватает воздуха, но я нахожу в себе силы ответить:

- Ты меня не смутил.

«Ты меня приворожил».

Холдер, прищуриив глаза, несколько секунд изучает меня. Сегодня я обнаружила, что не люблю, когда меня рассматривают... Мне нравится быть незаметной.

- Я и не собирался приставать к тебе, - говорит он. - Просто принял тебя за другую.

- Отлично.

Я принужденно улыбаюсь, но это вовсе не отлично. Почему мне становится так обидно, что он не пытался приставать ко мне? Я была бы рада.

- Но это не означает, что я не буду к тебе приставать, - с ухмылкой добавляет он. - Просто не делал этого в тот момент.

«Ну, слава богу». Его уточнение вызывает у меня улыбку, хотя я пытаюсь сдержаться.

- Хочешь, чтобы я побежал с тобой? - спрашивает он, кивая на тротуар.

«Да, пожалуйста».

- Нет, все нормально.

Он снова кивает:

– Ладно, я все равно собирался в ту сторону. Я бегаю по два раза в день, и у меня еще осталась пара... – Он останавливается на полуслове и делает шаг ко мне. Потом берет меня за подбородок и чуть запрокидывает мне голову. – Кто это тебя так? – Он хмурится, и взгляд приобретает жесткость, которую я заметила в магазине. – Раньше у тебя с глазом такого не было.

Я со смехом отодвигаюсь:

– Несчастный случай. Нельзя резко будить девчонку-тинейджера.

Он не улыбается и, подойдя ближе, пристально смотрит, потом проводит большим пальцем у меня под глазом:

– Ты ведь не стала бы молчать?

Я собираюсь ответить. Правда. Но просто не могу. Он прикасается к моему лицу. Трогает щеку. Я не в состоянии думать, не в состоянии говорить, не в состоянии дышать. Энергия, исходящая от всего его существа, высасывает воздух из моих легких, и у меня подгибаются колени. Я неуверенно киваю, и он, нахмурившись, отводит руку.

– Побегу с тобой, – решительно произносит он.

Потом кладет руки мне на плечи, поворачивает меня, слегка подталкивает, и мы в молчании начинаем бежать бок о бок.

Мне хочется поговорить с ним. Хочется спросить его о годе в колонии, о том, почему он бросил школу, зачем у него татуировка... но меня пугают возможные ответы. К тому же я совершенно запыхалась. Так что всю дорогу до моего дома мы бежим в полной тишине.

Вблизи нашей подъездной дорожки мы переходим на шаг. Я не имею представления, как все это прекратить. Со мной никто никогда не бежит, поэтому мне неизвестен этикет прощания бегунов. Я оборачиваюсь и поспешно машу ему рукой:

- Наверное, мы еще увидимся?

- Обязательно, - глядя прямо мне в глаза, отвечает он.

Я смущенно улыбаюсь и отворачиваюсь. Обязательно? Идя по подъездной дорожке, я так и сяк верчу это слово. Что он хотел этим сказать? Он не пытался выведать номер моего телефона, хотя не знает, что у меня его нет. Не приглашал меня бегать с ним. Но произнес «обязательно» так, словно уверен в себе. Надеюсь, что так оно и есть.

- Скай, подожди! - Он так выговаривает мое имя, что мне хочется, чтобы «Скай» было единственным словом в его лексиконе. Я оборачиваюсь, безмолвно моля о флирте. Теперь-то я точно клюну. - Сделай мне одолжение.

«Все, что угодно. Пока ты без футболки, сделаю все, о чем ни попросишь».

- Да?

Он бросает мне свою бутылку из-под воды. Я ловлю и, глядя на нее, пустую, жалею, что сама не предложила наполнить. Киваю и взбегаю по ступеням крыльца в дом. На кухне Карен загружает посудомоечную машину. Захлопнув входную дверь, я с трудом перевожу дух.

- Господи, Скай. У тебя вид, будто ты сейчас упадешь в обморок. Садись.

Она забирает у меня посудину и усаживает на стул. Пока она наполняет тару, я с шумом вдыхаю и выдыхаю. Она отдает мне бутылку, я поднимаюсь и выбегаю на улицу.

- Спасибо, - говорит он.

Я стою и смотрю, как он прижимается полными губами к горлышку.

Считай, что снова поцеловались.

Никак не могу понять, что подействовало на меня сильнее: без малого пятимильная пробежка или Холдер. То и другое из-за нехватки кислорода

вызывает у меня полуобморочное состояние. Холдер завинчивает крышку, скользя взглядом по моему телу и задержавшись на голой талии, после чего вскидывает глаза:

- Занимаешься легкой атлетикой?

Я прикрываю живот левой рукой и сцепляю кисти:

- Нет, но подумываю.

- Займись. Ты пробежала едва ли не пять миль и почти не запыхалась, - говорит он. - Ты в выпускном классе?

Он понятия не имеет, каких усилий мне стоит, хрипя и пытая, не рухнуть на тротуар. Раньше я никогда не бегала так далеко и теперь изо всех сил стараюсь показать, что все мне нипочем. Очевидно, удастся.

- А разве ты еще не знаешь, что я в выпускном? Похоже, теряешь шпионские навыки.

При появлении на его лице ямочек мне хочется победно помахать себе.

- Понимаешь, выслеживать тебя трудновато, - отвечает Холдер. - Я даже не нашел тебя в Facebook.

Он признался, что искал меня на Facebook. Мы встретились меньше двух часов назад, и он немедленно пошел домой и стал искать меня в Facebook. Это даже немного лестно. Невольно улыбнувшись, я все-таки осуждаю это жалкое оправдание для девчонки, сумевшей взять верх над моим невозмутимым «я».

- Меня там нет. У нас нет доступа в Интернет, - объясняю я.

Скосив на меня глаза, он ухмыляется с таким видом, будто не верит ни единому моему слову. Потом отбрасывает волосы со лба:

- А как же телефон? Разве нельзя подключить Интернет через телефон?

- Телефона тоже нет. Моя мама не одобряет технический прогресс. И телевизора нет.

- Черт. - Он смеется. - Ты серьезно? Как же ты развлекаешься?

Я улыбаюсь ему в ответ и пожимаю плечами:

- Бегаю.

Холдер опять разглядывает меня, ненадолго остановив внимание на моем животе. Теперь придется хорошенько подумать, прежде чем надеть на улицу спортивный бюстгальтер.

- Ну и как мне узнать, в какое время некая персона отправляется на утреннюю пробежку?

Он поднимает взгляд на мое лицо, и я никак не разгляжу человека, которого описала мне Сикс. Я вижу парня, заигрывающего с девушкой. Глаза его лихорадочно блестят.

- Не знаю, захочешь ли так рано вставать, - говорю я.

От этого взгляда вкупе с тexasским зноем у меня все плывет перед глазами. Не тот момент, чтобы скиснуть, и я делаю глубокий вдох.

Наклонив ко мне голову, он прищуривает глаза:

- Ты даже не представляешь, до чего мне хочется так рано вставать.

Он одаривает меня улыбкой с ямочками, и я падаю в обморок.

Да... в буквальном смысле. Я теряю сознание.

Судя по боли в плече и прилипшей к щеке грязи и гравия, мое падение не отличалось красотой и изяществом. Я вырубилась и шмякнулась на тротуар, и Холдер даже не успел подхватить меня. Вовсе не как герои в книгах.

Я пластом лежу на диване, куда он, вероятно, уложил меня, притащив с улицы. Надо мной склоняется Карен со стаканом воды, а у нее за спиной маячит Холдер, ставший свидетелем самого позорного момента моей жизни.

- Скай, выпей воды, - говорит Карен, приподнимая мне голову.

Я отпиваю глоток, откидываюсь на подушку и закрываю глаза, мечтая лишь снова вырубиться.

- Сейчас принесу влажную салфетку, - говорит Карен.

В надежде, что Холдер смылся, я открываю глаза, но он все еще здесь. И теперь он совсем рядом. Опускается на колени и тянется к моим волосам, пытаюсь вытащить из них мусор.

- С тобой правда все хорошо? Ты сильно брякнулась.

Глаза его выражают участие. Большим пальцем он стирает что-то с моей щеки, потом кладет руку на диван.

- О господи, - мямлю я, прикрывая глаза ладонью. - Прости. Ужасно неудобно.

Холдер отводит мою руку от лица:

- Ш-ш-ш. - Озабоченное выражение сменяется игривой ухмылкой. - Можно сказать, я даже кайфую.

Возвращается Карен:

- Вот салфетка, милая. Хочешь таблетку? Тебя не тошнит? - Вместо того чтобы дать салфетку мне, она вручает ее Холдеру и идет на кухню. - Посмотрю, нет ли у меня календулы или корня лопуха.

Прекрасно! Мало того что я опозорилась, так Карен собирается потчевать меня своими домашними сладостями прямо у него на глазах.

– Мне хорошо, мама. Ничего не болит.

Холдер осторожно вытирает мне щеку салфеткой.

– Сейчас может не болеть, но заболит потом, – произносит он тихо – так, чтобы Карен не услышала. Он перестает рассматривать мою щеку и встречается со мной взглядом. – Нужно что-то принять – на всякий случай.

Не знаю почему, но в его устах этот совет звучит более привлекательно, и я киваю. Собравшись с духом, выпиваю залпом лекарство. Потом сдвигаю ноги и пробую сесть, потому что иначе, если буду все так же лежать, а он склоняться надо мной, то опять упаду в обморок.

Заметив мою попытку сесть, он придерживает меня за локоть. Карен входит в гостиную со стаканом апельсинового сока. Настойка такая горькая, что ее нужно непременно запить. Я беру у нее стакан и быстро выпиваю. Просто мне хочется, чтобы она ушла на кухню.

– Извини, – говорит она Холдеру, протягивая руку. – Я Карен Дэвис.

Холдер поднимается на ноги и отвечает пожатием:

– Дин Холдер. Друзья зовут меня Холдером.

Мне завидно, что она прикасается к его руке. Я взяла бы номерок и встала в очередь.

– Как вы со Скай познакомились? – спрашивает она.

Он опускает на меня взгляд, а я в тот же момент поднимаю на него глаза. На его губах появляется едва заметная улыбка, но я замечаю.

– Мы, в общем-то, не знакомы, – отвечает он, глядя на Карен. – Просто оказались в нужном месте в нужное время.

– Спасибо, что помог. Не понимаю, почему она потеряла сознание. С ней никогда такого не случалось. – Она смотрит на меня. – Ты сегодня что-нибудь ела?

– Курицу на обед, – отвечаю я, не признаваясь, что перед пробежкой ела «сникерсы». – Еда в столовке – просто гадость.

Она закатывает глаза и всплескивает руками:

– Почему же ты не поела перед пробежкой?

– Забыла, – пожимаю я плечами. – Обычно по вечерам я не бегаю.

Собираясь на кухню со стаканом, она тяжело вздыхает:

– Я не хочу, чтобы ты бегала, Скай. А вдруг никого бы не оказалось поблизости? Так или иначе, ты слишком много бегаешь.

Наверное, она меня разыгрывает. Это невозможно.

– Послушайте, – говорит Холдер, замечая, что я побледнела еще больше, и оглядывается на Карен. – Я живу на Рикер-стрит и каждый день во время вечерней пробежки проношусь мимо вас. – (Он врет. И не очень ловко.) – Если так вам будет спокойнее, я могу с недельку побегать с ней по утрам. Обычно я гоняю в школе на стадионе, но это неважно. Просто на всякий случай.

Ах! До чего находчив! Неудивительно, что этот брюшной пресс мне о ком-то напоминает.

Карен вновь появляется в гостиной и смотрит на меня, потом на него. Она знает, какое удовольствие доставляют мне уединенные пробежки, но по выражению ее лица видно, что да, ей было бы спокойнее, будь у меня партнер.

– Не возражаю, – взглянув на меня, говорит она. – Если Скай согласна.

«Да. Да, я согласна. Но только если мой новый партнер по бегу будет без футболки».

– Хорошо, – говорю.

Я встаю, и у меня снова кружится голова. Наверное, я побледнела, потому что Холдер в ту же секунду кладет руку мне на плечо, подталкивая к дивану.

- Полегче, - говорит он. Потом обращается к Карен: - У вас есть крекеры или что-то в этом роде?

Карен уходит на кухню, и Холдер сочувственно смотрит на меня сверху вниз:

- Ты уверена, что все хорошо? - Он проводит по моей щеке большим пальцем.

Я вздрагиваю.

Когда он замечает мою попытку прикрыть мурашки на руках, на лице его мелькает дьявольская усмешка. Он искоса глядит вслед Карен, потом на меня.

- Когда явиться-то завтра? - шепчет он.

- Полседьмого, - еле слышно говорю я, беспомощно глядя на него.

- Полседьмого - это нормально.

- Холдер, зря ты это затеял.

Несколько мгновений он изучает мое лицо гипнотическими голубыми глазами и пока говорит, я ничего не могу с собой поделать и тарашусь на его не менее гипнотические губы.

- Знаю, что зря, Скай. Я делаю что хочу. - Он наклоняется к моему уху и понижает голос до шепота: - А я хочу бегать с тобой.

Чуть подавшись назад, он продолжает меня рассматривать. Хаос, царящий у меня в голове и желудке, не позволяет ответить.

Карен возвращается с крекерами.

- Ешь, - говорит она, подавая тарелку.

Холдер встает и прощается с Карен, потом поворачивается ко мне:

- Будь аккуратнее. Утром увидимся?

Я киваю и смотрю, как он уходит. За ним захлопывается дверь, и я не в силах оторвать от нее взгляд. Меня начисто покинуло самообладание. Так вот что нравится Сикс? Это и есть вожделение?

Я ненавижу это. Я категорически, всей душой ненавижу это прекрасное, волшебное чувство.

- Он милый, - говорит Карен. - И симпатичный. - Она поворачивается ко мне: - Вы знакомы?

Я пожимаю плечами.

- Кое-что слышала о нем, - говорю я, не добавляя больше ничего.

Знай она, какого безнадежного парня она только что выбрала своим «партнером по бегу», с ней случилась бы истерика. Чем меньше ей известно о Дине Холдере, тем лучше для нас обеих.

Понедельник, 27 августа 2012 года

19 часов 10 минут

- Что, черт возьми, приключилось с твоим лицом?

Джек отпускает мой подбородок и идет к холодильнику.

Он уже года полтора является неотъемлемой частью жизни Карен. Он ужинает с нами несколько раз в неделю. И поскольку сегодня - прощальный ужин Сикс, Джек осчастливил нас своим присутствием. Хотя он и любит помучить Сикс, я знаю, что он тоже будет по ней скучать.

- Поцеловала асфальт, - отвечаю я.

- Так вот что случилось с асфальтом, - смеется он.

Сикс хватает кусок хлеба и открывает банку «Нутеллы». Я беру тарелку и накладываю себе новую веганскую стряпню Карен. За четыре года Сикс так и не привыкла к ней. Что касается Джека, то он, как воплощенный двойник Карен, ничего не имеет против. Сегодняшнее меню составлено из блюд, названия которых я не могу даже выговорить, и, как всегда, совершенно не содержит продуктов животноводства. Карен не заставляет меня есть веганскую пищу, поэтому вне дома я питаюсь, чем захочу.

Все, что поглощает Сикс, служит лишь дополнением к основному блюду из «Нутеллы». Сегодня она уписывает сэндвич с нею и сыр. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь почувствовать к этому вкус.

- Когда ты переезжаешь? - спрашиваю я Джека.

Они с Карен уже обсуждали следующий шаг, но им никак не обойти ее строгое неприятие достижений техники. Что ж, Джеку с этим не справиться.

- Как только твоя мама уступит и подключит кабельные спортивные каналы, - отвечает Джек.

Они не спорят на эту тему. Думаю, их обоих устраивает положение вещей, и ни один из них не спешит пожертвовать своими взглядами на современную технику.

- Сегодня Скай упала в обморок на дороге, - меняя тему, говорит Карен. - Ее принес на руках какой-то очаровательный полумальчик-полумужчина.

- Парень, мама. Просто скажи «парень», - смеюсь я.

Сикс пристально смотрит на меня через стол, и до меня доходит, что я не сказала ей о вечерней пробежке. И не поведала о первом школьном дне. Тот выдался насыщенным. Интересно, кому я буду все рассказывать, когда она уедет? Одна мысль о том, что она отправится на другой конец света, наполняет

меня ужасом.

- Ты нормально себя чувствуешь? – спрашивает Джек. – Небось здорово приложилась, если заработала такой «фонарь».

Я дотрагиваюсь до глаза и кривлю губы. Совершенно забыла о синяке.

- Это не от обморока. Сикс заехала локтем. Два раза.

Я жду, когда кто-нибудь спросит Сикс, зачем она на меня напала, но нет. Они хотят показать, как сильно ее любят. Даже поколоты она меня, их бы это не встревожило. Они сказали бы, что я сама заслужила.

- А тебя не раздражает, что вместо имени у тебя цифра? – спрашивает ее Джек. – Я никогда не мог этого понять. Это вроде как если родители называют ребенка днем недели. – Помолчав, он взмахивает вилок и смотрит на Карен: – Когда у нас будет свой, мы не станем этого делать. Все, что есть в календаре, должно быть под запретом.

Карен вперяет в него ледяной взор. Судя по ее реакции, Джек впервые упомянул о детях. Выражение ее лица ясно свидетельствует, что дети не входят в ее планы. Никким образом.

Джек снова переключается на Сикс:

- Твое настоящее имя вроде бы Севен, или Сётин[З - Сётин от английского thirteen – тринадцать.], или что-то в этом роде? Не понимаю, почему ты выбрала Сикс. Это, пожалуй, самая неудачная цифра.

- Понимаю, чем вызваны твои нападки, – говорит Сикс. – Так ты пытаешься скрыть отчаяние, вызванное моим предстоящим отъездом.

- Поступай с моими нападками как знаешь, – смеется Джек. – Когда вернешься через полгода, тебе не поздоровится.

* * *

После ухода Джека и Сикс я помогаю Карен на кухне с посудой. Она какая-то притихшая с того момента, как Джек заговорил о ребенке.

- Почему это так тебя рассердило? – спрашиваю я, передавая ей тарелку.

- Что?

- Его слова о ребенке. Тебе тридцать с небольшим. В твоём возрасте женщины постоянно рожают.

- Это было так заметно?

- Лично мне – да.

Она со вздохом берет у меня очередную тарелку:

- Я люблю Джека. Тебя я тоже люблю. Мне нравится, как у нас все сложилось, и я, пожалуй, не готова что-то менять, а тем более рожать. Но Джек полон энтузиазма идти вперед.

Я выключаю воду и вытираю руки полотенцем.

- Мама, через несколько недель мне исполнится восемнадцать. Ты хочешь, чтобы все осталось по-прежнему... но этого не будет. После следующего семестра я уеду в колледж, и ты останешься одна. Чем плоха идея, чтобы он, по крайней мере, перебрался к тебе?

Она улыбается мне, но вымученной улыбкой – как всегда, когда я упоминаю колледж.

- Я думаю об этом, Скай. Поверь мне. Это очень важный шаг, который потом нельзя будет отменить.

- А что, если это такой шаг, который ты не захочешь отменить? Что, если это шаг, который заставит тебя сделать еще один, и еще, пока не одолеешь дистанцию?

– Вот этого я и боюсь, – смеется она.

Я вытираю столешницу и споласкиваю тряпку в раковине.

– Иногда я тебя не понимаю.

– Я тоже тебя не понимаю, – потрепав меня по плечу, произносит она. – Никак не пойму, почему тебе так сильно хотелось в школу. Ты говорила, там весело, а как на самом деле?

– Нормально, – пожимаю я плечами.

Это откровенная ложь. Каждый раз побеждает мое упрямство. Ни в коем случае нельзя признаваться ей, как мне не нравится в школе, несмотря даже на то, что она никогда не скажет: «Я же говорила».

Она с улыбкой вытирает руки:

– Рада слышать. Но завтра спрошу еще. Может, выложишь правду.

* * *

Я вытаскиваю из рюкзака книгу, которую дал мне почитать Брекин, и плюхаюсь на кровать. Успеваю прочесть две страницы, когда ко мне через окно залезает Сикс.

– Сначала о школе, потом подарок, – говорит она, устраиваясь рядом на кровати.

– Школа – просто отстой. Из-за того что ты не в состоянии отказывать парням, я унаследовала твою жуткую репутацию. Но благодаря божественному вмешательству меня спас Брекин, новообращенный мормон-гей. Он не умеет ни петь, ни играть на сцене, но любит читать, и теперь он мой самый лучший друг на всем белом свете.

Сикс надувает губы:

– Я еще даже не уехала, а ты уже нашла мне замену. Подлая. И чтоб ты знала: я в силах отказать парню. Я не в состоянии постичь моральные последствия добрачного секса, когда его просто навалом. – Она ставит мне на колени коробочку. Без обертки. – Знаю, о чем ты думаешь, – говорит она. – Могла бы и догадаться, что отсутствие обертки никак не умаляет моих чувств к тебе. Мне просто лень.

Я беру коробку и встряхиваю:

– Ведь уезжаешь-то ты. Это я должна дарить тебе подарок.

– Да, должна. Но ты этого терпеть не можешь, и я не надеюсь, что ты ради меня изменишься.

Она права. Я действительно редко делаю подарки, но в основном потому, что сама ненавижу их принимать. От этого почти так же неловко, как при виде плачущего человека. Я переворачиваю коробку, нахожу клапан и открываю ее. Потом снимаю тонкую оберточную бумагу и вижу сотовый телефон.

– Сикс, – говорю я. – Ты же знаешь, я не могу...

– Заткнись. Нельзя, чтобы я уехала на другой конец света без возможности общаться с тобой. У тебя нет даже электронной почты.

– Знаю, но я не могу... У меня нет работы, и мне нечем платить. А Карен...

– Не волнуйся. Это телефон с предоплатой. Ее хватит, чтобы, пока меня нет, раз в день посылать друг другу эсмэски. Не могу позволить себе международные разговоры, так что здесь тебе не повезло. И в соответствии с суровыми извращенными принципами твоей мамы в этой штуковине нет даже Интернета. Только текстогаммы.

Она хватает телефон и включает, потом вводит контактную информацию.

– Если в мое отсутствие у тебя наконец появится пылкий дружок, можно будет добавить дополнительные минуты. Но пусть только попробует покуситься на мое время, и я отрежу ему яйца.

Она возвращает мне телефон и нажимает на клавишу «Домашняя страница». Появляется ее контактная информация: «Твоя самая-самая лучшая подруга на всем белом свете».

Я терпеть не могу получать подарки и действительно ненавижу прощания. Я кладу телефон в коробку и беру с пола рюкзак. Потом вынимаю из него книги, складываю на полу и, перевернув рюкзак у нее над головой, смотрю, как к ней на колени падают долларовые бумажки.

– Здесь тридцать семь долларов, – говорю я. – Они помогут тебе продержаться до возвращения. Счастливого дня иностранной валюты!

Сикс хватает пригоршню долларов и подбрасывает их в воздух, после чего валится на кровать.

– Всего один день в школе, и эти сучки осыпали тебя баксами? – смеется она. – Впечатляет.

Я кладу ей на грудь написанную мной прощальную открытку и склоняю голову к ней на плечо:

– Ты считаешь, это впечатляет? Видела бы ты, как я кручусь на шесте в кафетерии.

Она берет открытку и с улыбкой проводит по ней пальцем, даже не пытаясь заглянуть внутрь, поскольку знает, что я не люблю лишних эмоций. Потом засовывает ее на место и тоже кладет голову мне на плечо.

– Какая же ты шлюха, – тихо произносит она, пытаясь сдержать слезы.

Ведь мы обе такие упертые и никогда не плачем.

– Так меня и называли.

Вторник, 28 августа 2012 года

6 часов 15 минут

Звонит будильник, и я сразу прикидываю, не промотать ли сегодняшнюю пробежку, пока не вспоминаю, кто ждет меня на улице. Я одеваюсь с такой скоростью, как никогда в жизни, и подхожу к окну. К окну изнутри прилеплена открытка со словом «шлюха», написанным рукой Сикс. Я с улыбкой отдираю ее и бросаю на кровать.

Он сидит на обочине и разминает ноги. Хорошо, что ко мне спиной, а иначе заметил бы мой хмурый вид, причина которого в его футболке. Услышав, как я подхожу, он оборачивается:

- Эй, привет!

Он с улыбкой встает, и я замечаю, что футболка успела намокнуть от пота. Он отмотал уже больше двух миль, собирается пробежать со мной еще три, а потом пробежит больше двух до дома. Я, правда, не понимаю, зачем ему все эти хлопоты. И почему я это позволяю.

- Тебе надо размяться? - спрашивает он.

- Уже размялась.

Протянув руку, он дотрагивается большим пальцем до моей щеки.

- Выглядишь неплохо, - говорит он. - Болит что-нибудь?

Я качаю головой. Он действительно думает, будто я в состоянии что-то произнести, когда его пальцы касаются моего лица? Довольно сложно одновременно говорить и сдерживать дыхание.

Он отводит руку и улыбается:

- Ладно. Готова?

- Угу, - выдыхаю я.

И мы бежим. Какое-то время – рядом, пока дорожка не сужается, и вот он несется следом за мной, отчего я начинаю ужасно смущаться. Обычно во время бега я совершенно забываю о себе, но на этот раз отдаю отчет в каждой мелочи – волосы, длина шортов, капли пота, стекающие по спине. И только когда дорожка расширяется и мы снова бежим бок о бок, я с облегчением вздыхаю.

– Тебе надо осваивать беговую дорожку. – Голос его звучит твердо, и совершенно не похоже, что с утра он уже одолел четыре мили. – У тебя выносливости больше, чем у большинства парней из прошлогодней команды.

– Не знаю, хочется ли мне этого, – тяжело дыша, отвечаю я. – Я никого не знаю. Хотела попробовать, но до сих пор мне попадались какие-то злыдни. Не хочется общаться с ними еще и в команде.

– Ты пробыла в школе всего один день. Пусть пройдет время. Нельзя ожидать, что после домашнего обучения ты мигом заведешь кучу друзей.

Я останавливаюсь на месте как вкопанная. Он не сразу замечает, что меня нет рядом. Обернувшись, он видит, что я стою на месте, бросается ко мне и хватается за плечи:

– Ты в порядке? Голова кружится?

Я качаю головой и сбрасываю с плеч его руки.

– Все нормально, – произношу я, не скрывая раздражения.

Он наклоняет голову:

– Я что-то не то сказал?

Я поворачиваю в сторону дома, он идет следом.

– В каком-то смысле, – отвечаю я, скосив на него глаза. – Вчера я пошутила насчет слезки, но ты признался, что искал меня в Facebook сразу после знакомства. Потом настоял на совместных пробежках, хотя тебе это не по пути. Теперь ты каким-то образом узнал, когда я поступила в школу. И что я получила

домашнее образование. Не стану врать, это слегка настораживает.

Я жду объяснения, но он лишь рассматривает меня прищуренными глазами. Мы оба все так же идем вперед, а он молча смотрит на меня, пока мы не сворачиваем за угол. Тяжело вздохнув, он наконец заговаривает.

– Я расспрашивал народ, – признается он. – Я живу здесь с десяти лет, и у меня куча друзей. Ты меня заинтриговала.

Несколько мгновений я пялюсь на него, потом опускаю взгляд на тротуар. Интересно, что еще порассказали ему обо мне его «друзья». Я знаю, что с тех пор, как мы с Сикс подружились, о нас пошли сплетни, но сейчас впервые почувствовала себя немного обиженной и смущенной. То, что он решил бегать со мной, означает лишь одно. Он слышал их и, возможно, рассчитывает, что это правда.

Он догадывается, что мне неловко, и останавливает меня, придерживав за локоть:

– Скай.

Мы оказываемся лицом к лицу, но я не отрываю взгляда от асфальта. Сегодня на мне не только спортивный бюстгальтер, но и футболка, однако я обхватываю себя руками, будто совершенно голая.

– Пожалуй, вчера в магазине мы взяли неверный тон, – говорит он. – А разговор о слежке – клянусь, это шутка. Не хочу, чтобы со мной было неловко. Тебе полегчает, если ты узнаешь обо мне больше? Спрашивай, и я отвечу. О чем угодно.

Я очень надеюсь, что он говорит искренне. Ведь я уже догадалась, что он не тот парень, которым девушка просто увлекается. Он из тех, в кого влюбляешься намертво, и эта мысль меня ужасает. Я не хочу влюбляться намертво, особенно в человека, который клеится ко мне лишь потому, что считает доступной. Не хочу влюбляться в парня, заклеившего себя как «безнадежный». Но я любопытна. Очень любопытна!

– Если я спрошу тебя, ответишь честно?

Он наклоняет ко мне голову:

- Можешь не сомневаться.

Он говорит вкрадчиво, от чего у меня слегка кружится голова, и я в какой-то миг начинаю опасаться, что снова вырублюсь. К счастью, он отступает назад. Мне хочется спросить о его прошлом. Я хочу узнать, почему его отправили в колонию и за что и почему Сикс ему не доверяет. Но снова не уверена, что мне так уж нужна правда.

- Почему ты бросил школу?

Он вздыхает с таким видом, словно надеялся уклониться от этого вопроса. Потом идет вперед, а я преследую.

- Формально я еще не бросил.

- Но ты же не ходил туда больше года. Разве это не значит бросить?

Он поворачивается ко мне с сомнением на лице, будто хочет что-то сказать. Открывает рот, потом закрывает. Мне досадно, что я не могу раскусить его. Большинство людей разгадать легко. Они простые. Холдер во всех смыслах сложный и может кого угодно сбить с толку.

- Я несколько дней как вернулся домой, - сообщает он. - Прошлый год у моей матери выдался очень скверным, и я на время переехал к отцу в Остин. Там я ходил в школу, но потом настало время вернуться. И вот я здесь.

То, что он не стал упоминать о колонии для несовершеннолетних, ставит его искренность под сомнение. Понятно, что об этом он предпочел бы помалкивать, но тогда не следовало декларировать свою честность, которой нет и в помине.

- Это не объясняет, почему ты решил бросить школу, а не перевестись обратно.

- Не знаю, - пожимает он плечами. - Честно говоря, я все еще пытаюсь понять, чем мне хочется заниматься. Этот год был у меня паршивым. Не говоря уже о том, что школу я ненавижу. Наверное, проще будет пройти тестирование.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему:

- Чушь собачья!

Он вопросительно поднимает бровь:

- Чушь, что я ненавижу школу?

- Нет. Чушь, что один неудачный год определил твою судьбу на всю оставшуюся жизнь. Тебе осталось до выпуска девять месяцев, и ты бросаешь школу? Это просто... глупо.

- Ну до чего красноречиво! - смеется он.

- Можешь смеяться сколько угодно, но, бросая школу, ты сдаешься. Доказываешь всем, кто в тебе сомневался, их правоту. - Я опускаю глаза и смотрю на его татуировку. - Собираешься уйти и показать миру, какой ты и впрямь безнадежный? Ну, давай!

Следуя моему взгляду, он, поигрывая желваками, на миг останавливает взор на своей татуировке. На самом деле я не собиралась отклоняться от темы, но для меня пренебрежение образованием - большой вопрос. Это Карен виновата. Ведь все эти годы она вбивала в мою голову мысль, что я одна отвечаю за свою будущую жизнь.

Холдер отводит глаза от татуировки, которую мы оба разглядывали, и кивает в сторону моего дома.

- Прибыли, - без выражения произносит он.

Потом, даже не улыбнувшись и не помахав на прощание, отворачивается от меня.

Я стою на тротуаре и смотрю, как он, не оглянувшись, исчезает за углом.

А я-то думала, сегодня у меня получится разговор только с одной из его личин.
Как же я ошибалась!

Вторник, 28 августа 2012 года

7 часов 55 минут

Я прихожу на первый урок. На галерке сидит Брекин во всем своем ярко-розовом великолепии. Уму непостижимо, как я вчера не заметила этих ярко-розовых ботинок и их владельца.

- Привет, Великолепный, - говорю я и проскальзываю на свободное место рядом.

Потом беру у него из рук стаканчик кофе и отпиваю. Он не возражает, потому что знает меня не очень хорошо. Или, может быть, понимает, к чему приводят запреты, налагаемые на самопровозглашенного кофемана.

- Вчера вечером я многое о тебе узнал, - изрекает он. - Паршиво, что мать не разрешает тебе пользоваться Интернетом. Это удивительное место, где можно найти о себе такие вещи, о которых даже не подозревал.

- А надо ли мне это знать? - смеюсь я.

Я запрокидываю голову и допиваю кофе, потом отдаю ему стаканчик.

- Что ж, - говорит он. - Заглянув в Facebook, я узнал, что в пятницу у тебя ночевал некий Дэниел Уэсли и теперь ты боишься, что забеременела. В субботу ты занималась сексом с неким Грейсоном, но потом выставила его. Вчера... - Он барабанит пальцами по подбородку. - Вчера видели, как после школы ты бегала с парнем по имени Дин Холдер. Это имеет ко мне некоторое отношение, потому что, по слухам... он недолюбливает мормонов.

Иногда я радуюсь тому, что у меня, в отличие от всех прочих, нет доступа к Интернету.

– Посмотрим, – отзываюсь я, приступая к оценке этих сплетен. – Я знать не знаю, кто такой Дэниел Уэсли. В субботу ко мне действительно приходил Грейсон, но, как только начал меня лапать, я вышвырнула его – он был под мухой. Да, вчера я бегала с парнем по имени Холдер, но я понятия не имею, кто он такой. Случайно оказалось, что мы бегаем в одно время и он живет неподалеку, так что...

Мне сразу становится стыдно за то, что я принижаю значение пробежки с Холдером. Пока не понятно, что он за человек, и я не готова к тому, чтобы кто-то угрожал нашему с Брекином союзу, которому уже сутки.

– Если тебе станет от этого легче, могу сказать, что от одной чувихи по имени Шейна я узнал, что принадлежу к потомственной денежной аристократии и чертовски богат.

– Отлично, – смеюсь я. – Тогда тебе не составит труда каждое утро приносить мне кофе.

Дверь открывается, и мы поднимаем глаза. Входит Холдер в простой белой футболке и темных джинсах, с вымытыми после нашей утренней пробежки волосами. Все прежние симптомы возобновляются: колики, прилив крови к щекам, нервный озноб.

– Черт, – мямлю я.

Холдер подходит к столу мистера Маллигана и кладет на него анкету, потом, вертя в руках телефон, идет на галерку. Не обращая на меня ни малейшего внимания, садится прямо перед Брекином. Выключив звук в телефоне, Холдер засовывает его в карман.

Я настолько поражена его появлением, что не в силах даже заговорить с ним. Неужели я как-то повлияла на его решение восстановиться? Радует ли это меня? На самом деле я не испытываю ничего, кроме сожаления.

Входит мистер Маллиган и кладет на стол свои вещи, затем поворачивается к доске и пишет свое имя и дату. Неужели он действительно думает, что со вчерашнего дня мы забыли, кто он такой, или просто хочет напомнить, какие мы тупицы?

– Дин, – произносит он, так и стоя лицом к доске. Потом поворачивается и смотрит на Холдера. – С возвращением, хотя и на день позже. Надеюсь, в этом семестре ты не создашь нам проблем?

От такого снисходительного замечания, произнесенного с места в карьер, у меня отвисает челюсть. Если Холдеру приходится терпеть здесь подобный вздор, то неудивительно, что он не хотел возвращаться. Я, по крайней мере, терплю обиды от учеников. Мне наплевать, каковы школьники, но учитель не должен быть с ними высокомерным. Это главное правило для педагога. Второе же заключается в том, что учителю не следует писать на доске свое имя в классах старше третьего.

Холдер ерзает на месте и не менее язвительно отвечает:

– Надеюсь, мистер Маллиган, что вы меня не спровоцируете.

Ладно, «обмен любезностями» всегда бывает двусторонним. Может быть, на следующем уроке я научу его вежливости.

Мистер Маллиган теревит подбородок и сердито смотрит на Холдера поверх очков:

– Дин, почему бы тебе не выйти к доске и не познакомиться с одноклассниками? С прошлого года здесь появились новые лица.

Холдер не возражает, и мистер Маллиган, похоже, доволен. Холдер резко вскакивает со стула и быстро идет к доске. Этот неожиданный всплеск энергии заставляет мистера Маллигана отступить. Без малейшего смущения Холдер поворачивается лицом к классу.

– С удовольствием, – говорит он, косясь на мистера Маллигана. – Я Дин Холдер. Народ зовет меня Холдером. – Он переводит взгляд с Маллигана на класс. – Я здесь учусь с восьмого класса, не считая полутора семестров академки. И, по словам мистера Маллигана, люблю создавать проблемы, так что скучать не придется.

Некоторые смеются, но мне это не кажется смешным. Слухи о Холдере вынуждают усомниться. А теперь, устраивая это шоу, он показывает себя в истинном свете. Холдер открывает рот, чтобы продолжить свою речь, но, заметив меня, широко улыбается и подмигивает. У меня возникает желание забиться под парту. Я торопливо улыбаюсь ему, не разжимая губ, и опускаю глаза, как только учащиеся начинают озираться, желая узнать, на кого он пялится.

Полтора часа назад он с заносчивым видом ушел прочь. Теперь улыбается мне, как лучшему другу, которого не видел много лет.

Да уж. У него есть проблемы.

Ко мне наклоняется Брекин.

– Что это значит, черт возьми? – шепчет он.

– Расскажу за обедом.

– Это вся премудрость, которой ты с нами нынче поделишься? – спрашивает мистер Маллиган.

Холдер кивает и, не сводя с меня взгляда, идет на свое место. Потом садится и, вывернув шею, смотрит на меня. Мистер Маллиган начинает урок, и внимание всех учеников обращается к учительскому столу. Всех, кроме Холдера. Я открываю учебник на нужной главе, полагая, что он сделает то же самое. Подняв глаза, вижу, что он по-прежнему пялится на меня.

– Что такое?

Я беззвучно шевелю губами, вскидывая ладони.

Сощурившись, он молча смотрит на меня.

– Ничего, – наконец произносит он. Потом отворачивается и открывает учебник.

Вопросительно глядя на меня, Брекин постукивает карандашом по костяшкам моих пальцев, потом переключается на учебник. Если он ждет объяснений, то будет разочарован. Нет у меня объяснения. Я вообще не понимаю, что произошло.

Во время лекции я украдкой бросаю на Холдера взгляды, но тот за весь урок ни разу не оборачивается. Когда звенит звонок, Брекин вскакивает и барабанит пальцами по моей парте.

- Ты. Я. Ланч, - поднимает он брови.

Выходит из класса, и я обращаю взгляд на Холдера. С суровым выражением на лице тот смотрит на дверь, из которой только что вышел Брекин.

Прежде чем Холдер успевает заговорить со мной, я хватаю свои вещи и устремляюсь прочь. Я искренне рада, что он решил восстановиться, но меня встревожили его гляделки - словно мы закадычные друзья. На самом деле мне не нужен ни Брекин, ни кто-то другой. Холдер мне подошел бы больше, но лучше с ним не связываться.

Я иду к своему шкафчику и, поменяв учебники, беру английский. Интересно, узнает ли меня сегодня в классе Шейна, она же Шейла. Может, и нет, это было сутки назад. Сомневаюсь, что у нее хватит мозгов вспомнить столь отдаленное событие.

- Эй, привет!

Я малодушно зажмуриваю глаза, не желая обернуться и увидеть его во всей красе.

- Пришел.

Я складываю книги в шкафчик и поворачиваюсь к нему лицом. Он с улыбкой опирается на соседний.

- Умытая ты хорошо смотришься, - хвалит он, разглядывая меня с ног до головы. - Правда, потная тоже не так уж плоха.

Он тоже хорошо смотрится, но я не собираюсь ему об этом сообщать.

- Ты здесь выслеживаешь меня или действительно восстановился?

Лукаво ухмыляясь, он барабанит пальцами по шкафчику:

- То и другое.

И в самом деле нужно завязывать с шуточками насчет слезки. Мне было бы странно не думать, что он на такое способен.

Я оглядываюсь на пустеющий коридор.

- Ну, мне пора на урок, - говорю. - С возвращением.

Он прищуривается, словно чувствуя мое смущение:

- Ты такая чудная.

В ответ я закатываю глаза. Откуда ему знать, какая я? Он едва со мной знаком. Я заглядываю в шкафчик, стараясь не думать, почему я «чудная». И почему его прошлое не так уж меня пугает. Как он мог так ужасно обойтись с тем пареньком? Зачем ему понадобилось бегать со мной, хотя он живет далеко? Почему расспрашивал обо мне знакомых? Вместо того чтобы задать эти вопросы, я лишь пожимаю плечами и говорю:

- Не ожидала увидеть тебя здесь.

Он прислоняется плечом к соседнему шкафчику и качает головой:

- Нет. Тут что-то другое. В чем дело?

Я со вздохом прислоняюсь к своему:

- Хочешь, чтобы я ответила честно?

– Только этого и хочу.

Я плотно сжимаю губы и киваю.

– Отлично, – говорю я, поворачиваясь к нему лицом. – Не хочу, чтобы у тебя возникло неправильное представление. Ты флиртуешь со мной и говоришь так, будто у тебя есть в отношении меня намерения, которые не вызывают у меня отклика. И ты такой... – Я умолкаю, подыскивая нужное слово.

– Какой? – пристально глядя на меня, спрашивает он.

– Настойчивый. Слишком настойчивый. И у тебя очень быстро меняется настроение. И ты меня немного пугаешь. Есть еще одна вещь, – добавляю я. – Просто не хочу, чтобы ты неправильно понял.

– Какая вещь? – Он произносит это так, словно точно знает, о чем идет речь, но хочет заставить меня сказать.

Я со вздохом прижимаюсь спиной к шкафчику, опустив глаза в пол.

– Ты знаешь, – отвечаю.

Мне совсем не хочется ворошить его прошлое.

Холдер подходит ко мне на шаг и упирается рукой в шкафчик рядом с моей головой, потом близко наклоняется ко мне. Я поднимаю на него глаза и встречаюсь с его пристальным взглядом.

– Нет, не знаю. Ты все ходишь вокруг да около этой темы, будто боишься. Скажи наконец.

Смотрю на него и чувствую, что попалась. В груди нарастает та же тревога, которая осталась у меня после нашей первой встречи.

– Я слышана о твоих подвигах, – отрывисто говорю я. – Знаю, что ты избил парня и тебя отправили в колонию. И что за два дня нашего знакомства ты три раза до смерти меня напугал. И поскольку мы стараемся быть честными, я знаю

также, что интересовался ты мной, наверное, потому, что слышал о моей репутации. Только поэтому и пытаешься за мной приударить. Жаль тебя разочаровывать, но я не собираюсь с тобой трахаться. Не думай, что между нами произойдет что-то помимо того, что есть. Мы вместе бегаем. И это все.

Он сжимает губы, но выражение лица не меняется. Потом опускает руку и отступает назад, и я с облегчением вздыхаю. Не понимаю, почему всякий раз, как он приближается ко мне, у меня перехватывает дыхание. В особенности озадачивает то, что мне нравится это чувство.

Я прижимаю книги к груди и начинаю протискиваться мимо него, когда чья-то рука обнимает меня за талию и оттаскивает от Холдера. Я озираюсь и вижу Грейсона, который, продолжая меня придерживать, оглядывает Холдера с головы до пят.

- Холдер, - холодно произносит Грейсон. - А я и не знал, что ты вернулся.

Холдер не обращает на Грейсона никакого внимания. Продолжая пристально смотреть на меня, он на миг переводит взгляд на руку Грейсона, сжимающую мой бок. Еле заметно кивнув, он улыбается, словно до него что-то дошло, после чего снова встречается со мной взглядом.

- Да, вернулся, - отрывисто произносит он, не глядя на Грейсона.

Что происходит, черт подери? Откуда взялся Грейсон и почему он обнимает меня, будто пытается закрепить свои права?

Холдер отводит глаза и поворачивается, чтобы уйти, но вдруг резко останавливается и снова бросает на меня взгляд.

- Отбор на беговую дорожку будет в четверг после занятий, - сообщает он. - Приходи. - Потом уходит.

Жаль, что Грейсон остается.

- Ты занята в субботу? - шепчет на ухо Грейсон, привлекая меня к себе.

Я толкаю его в грудь, пытаюсь отстраниться.

– Перестань, – раздраженно заявляю я. – По-моему, в выходные ты мог бы уразуметь мое отношение.

Я захлопываю дверь шкафчика и ухожу прочь, удивляясь тому, что всю жизнь мне удавалось обойтись без драм, а вот событий последних двух дней хватило бы на целую книгу.

* * *

Брекин садится против меня и передает банку с газировкой:

– Кофе не было, но я отыскал кофеин.

– Спасибо, мой самый лучший друг на всем белом свете, – улыбаюсь я.

– Не благодари, у меня дурные намерения. Я собираюсь подкупить тебя, чтобы выведать интимные подробности.

Я со смехом открываю банку:

– Боюсь разочаровать, потому что у меня нет интимной жизни.

Он с ухмылкой откупоривает свою:

– Ох, сомневаюсь. Посмотри, как пялится на тебя плохой парень. – И он кивает вправо.

Через три стола от нас сидит Холдер и пристально смотрит на меня. Он сейчас в компании ребят из футбольной команды, которые, похоже, рады его возвращению. Похлопывая его по спине, они говорят наперебой, не замечая даже, что он не участвует в разговоре. Не сводя с меня глаз, он отпивает из бутылки с водой. Потом резко опускает ее на стол, кивает направо и встает. Я смотрю туда же и вижу выход из кафетерия. Ожидая, что я пойду за ним, он направляется туда.

– Ха! – говорю я скорей себе, чем Брекину.

– Ага. Ха. Иди узнай, какого черта ему надо, потом расскажешь.

Я отпиваю газировки и ставлю банку на стол:

– Слушаюсь, сэр.

Чувствуя, что сердце уходит в пятки, я встаю и иду за Холдером. Можно притворяться перед Брекином, но мне, черт возьми, никак с собой не совладать.

Холдер впереди в нескольких футах. Он распахивает двери, выходит, и те захлопываются. Дойдя до них, я на секунду останавливаюсь, прежде чем толкнуть их в коридор. Ох, как я боюсь разговора с ним!

Я оглядываюсь по сторонам, но не вижу его. Дойдя до конца ряда шкафчиков, заворачиваю за угол. Он стоит со сложенными на груди руками, привалившись спиной к одному, согнув колено и упираясь ступней в шкафчик. Не пытаюсь скрыть гнев, который сверкает в его младенчески голубых глазах, он сверлит меня взглядом:

– Ты что, встречаешься с Грейсоном?

Я закатываю глаза и, подойдя к шкафчикам напротив, прислоняюсь к ним. Я и в самом деле начинаю уставать от перепадов его настроения.

– А это важно?

Какое ему вообще до этого дело? Он выдерживает многозначительную паузу, предшествующую, как я заметила, почти всем его высказываниям.

– Он придурок.

– Ты иногда тоже, – быстро говорю я, в отличие от него не задерживаясь с ответом.

– Он тебе не компания.

Я нарочито громко смеюсь.

– А ты? – парирую я.

Если бы мы вели счет, сейчас тот был бы два – ноль в мою пользу.

Он опускает руки и поворачивается лицом к шкафчикам, ударяя по одному из них ладонью. Звук разносится по всему коридору, заставляя меня поежиться.

– Не приплетай меня к этому, – вновь поворачиваясь ко мне, произносит он. – Речь о Грейсоне, не обо мне. Тебе не следует с ним встречаться. Ты понятия не имеешь, что это за тип.

Я смеюсь. Не потому, что Холдер смешной... а потому, что такой серьезный. Парень, которого я совершенно не знаю, всерьез пытается советовать мне, с кем встречаться, а с кем нет? Я раздраженно откидываю голову.

– Два дня, Холдер. Мы знакомы всего два дня. – Лягнув шкафчик у себя за спиной, я подхожу к нему. – За эти два дня я столкнулась с пятью сторонами твоей натуры, и только одна показалась мне привлекательной. Сама мысль о том, что ты имеешь право высказываться обо мне и моих поступках, кажется мне абсурдной. Это просто нелепо.

Поигрывая желваками и скрестив руки на груди, Холдер смотрит на меня сверху вниз. Потом с вызовом шагает ко мне. У него такие строгие и холодные глаза, что я начинаю подозревать шестую грань его натуры – властную и собственническую.

– Мне он не нравится. А когда я вижу подобные вещи... – Он подносит руку к моему лицу и осторожно проводит пальцами по заметному синяку под глазом. – А потом замечаю, как он лапает тебя... Извини, если получается нелепо.

От прикосновения к скуле кончиков его пальцев у меня перехватывает дыхание. Я борюсь с желанием закрыть глаза и прильнуть к его ладони – и побеждаю. Я пытаюсь выработать иммунитет к этому парню. Как бы то ни было, но такова моя

новая задача.

Уклоняясь от его руки, я делаю шаг в сторону. Он сжимает пальцы в кулак и опускает.

– Ты считаешь, мне не следует встречаться с Грейсоном, потому что он, по-твоему, вспыльчив? – Наклонив голову, я прищуриваюсь. – Тебе не кажется, что это немного лицемерно?

Рассматривая меня еще несколько мгновений, он легко вздыхает и еле заметно закатывает глаза. Потом отводит взгляд и качает головой, ухватив себя за загривок и глядя куда-то в сторону. Наконец, медленно повернувшись ко мне, снова скрещивает руки и смотрит в пол.

– Он ударил тебя? – произносит он без всякого выражения. Голова его понурена, но он глядит на меня сквозь ресницы. – Он хоть раз ударил тебя?

Вот опять, изменив манеру поведения, он заставляет меня быть смиренной.

– Нет, – тихо отвечаю я. – Нет и нет. Я же говорила... это просто случайность.

Ни слова не добавляя, мы смотрим друг на друга, пока не раздастся звонок на обед второй смены и коридор не заполняется учениками. Я первая отрываю от него взор и, не оглядываясь, возвращаюсь в кафетерий.

Среда, 29 августа 2012 года

6 часов 15 минут

Я бегаю по утрам уже три года. Не помню ни с чего это началось, ни что меня привлекло и заставило регулярно бегать. Наверное, дело в изоляции от сверстников. Я стараюсь не придавать этому большого значения, но поневоле завидуешь тому, как школьники общаются в Интернете. Еще несколько лет назад без этого можно было обойтись, но сейчас отсутствие доступа приравнивается к социальному суициду. Впрочем, мне наплевать на чужое мнение.

Не стану отрицать, мне дико хотелось поискать в Сети сведения о Холдере. Раньше, когда возникала нужда узнать что-то о людях, мы с Сикс пользовались Интернетом у нее дома. Но сейчас Сикс совершает трансатлантический полет и ее не попросишь. Поэтому я просто сижу на кровати и размышляю о том, правда ли он такой скверный, как явствует из его репутации. Интересно, так ли он действует на других девчонок, как на меня? Кто его родители, есть ли у него брат или сестра, встречается ли он с кем-то? Не понимаю, почему он с первой нашей встречи старается нагнать на меня страху. Неужели он всегда такой сердитый? И всегда ли он такой милый, когда не дурит? Мне очень не нравится, что в нем соседствуют эти крайности и нет золотой середины. Было бы приятно увидеть уравновешенную сторону его натуры. Интересно, бывает ли у него вообще промежуточное состояние? И я продолжаю размышлять... потому что это все, на что я способна. Молча думаю о безнадежном парне, которому как-то удалось занять все мои мысли. И мне никак не отрешиться от этих дурацких дум.

Выйдя из транса, я надеваю кроссовки. Слава богу, наша вчерашняя стычка в коридоре так ничем и не закончилась. Поэтому сегодня он со мной не побежит, и я испытываю облегчение. Мне надо просто побыть одной. Правда, не знаю зачем. Буду размышлять.

О нем.

Открыв окно спальни, я вылезаю наружу. Для этого утреннего часа темнее, чем обычно. Я поднимаю голову и вижу, что небо затянуто облаками – в полном согласии с моим настроением. Определяю направление движения облаков и всматриваюсь, пытаюсь понять, хватит ли у меня времени побегать до того, как небеса разверзнутся.

– Ты всегда вылезаешь из окна или просто надеялась скрыться от меня?

Я оборачиваюсь на звук его голоса. Он стоит на обочине в шортах и кроссовках. Сегодня без футболки.

Черт побери!

– Если бы я пыталась скрыться, то просто осталась бы в постели.

Я уверенно подхожу к нему, стараясь не показывать, что его вид приводит меня в крайнее возбуждение. Какая-то небольшая часть моего существа разочарована его появлением, но в целом я до смешного счастлива. Я прохожу мимо и сажусь на тротуар для разминки. Вытягиваю ноги и наклоняюсь вперед, ухватившись руками за кроссовки и прижимая голову к коленям – отчасти для растяжки мышц, а в основном – чтобы не смотреть на него.

– Я не знал, придешь ты или нет. – Он опускается на тротуар и занимает место передо мной.

Я поднимаюсь и смотрю на него:

– Почему бы мне не прийти? Проблемы-то не у меня. Кроме того, дорога общая.

Сама не знаю с чего, но я чуть не набрасываюсь на него.

Он вновь вперяет в меня пристальный взгляд, который почему-то лишает меня дара речи. Это настолько вошло у него в привычку, что мне хочется дать этому название. словно он гипнотизирует меня, пока молча размышляет с намеренно отсутствующим видом. Я не встречала никого, кто вкладывал бы столько значения в свои слова. То, как он дает мысли проникнуть в сознание, пока подготавливает ответ, создает ощущение того, что слов не хватает и он хочет воспользоваться лишь самыми необходимыми.

Я перестаю разминаться и поворачиваюсь к нему, не желая отступать от поединка взглядов. Я не позволю ему отрабатывать на мне эти уловки Джедая, хотя самой очень хочется проделать с ним то же. Он совершенно непредсказуем, и понять его невозможно. Это выводит меня из себя.

Он вытягивает ноги в мою сторону:

– Дай руки. Мне тоже надо размяться.

Холдер сидит, протянув ко мне руки, словно мы собираемся играть в ладушки. Проедь сейчас кто-нибудь мимо, воображаю, какие пошли бы сплетни. Одна только мысль об этом смещит меня. Я хватаюсь руками за его протянутые ко мне ладони, и он начинает тащить меня к себе. Потом тащу я, а он растягивается,

подаваясь вперед, но при этом не смотрит вниз, а гипнотизирует меня упорным изнуряющим взглядом.

- Кстати, для сведения, - говорит он. - Вчера проблемы были не у меня.

Я начинаю тянуть его сильнее - скорее от злости, чем из желания помочь ему размяться.

- На меня намекаешь?

- А разве нет?

- Поясни. Не люблю неопределенности.

Он раздражающе смеется:

- Скай, есть одна вещь, которую тебе следует знать обо мне: я стараюсь избежать неопределенности. Я обещал всегда быть честным с тобой, а для меня неопределенность - то же вранье. - Он тянет мои руки к себе и отклоняется.

- Ты выразился довольно неопределенно, - замечаю я.

- А ты ни разу не задала мне вопроса. Я уже говорил: если хочешь что-то узнать, просто спроси. Ты вроде думаешь, что знаешь меня, но сама никогда ни о чем не спрашивала.

- Я тебя не знаю.

Он снова смеется и качает головой, потом отпускает мои руки:

- Ладно, неважно. - Он встает и идет прочь.

- Постой. - Я поднимаюсь с асфальта и устремляюсь за ним. Если кому и следует сердиться, так это мне. - Что я такого сказала? Что я тебя не знаю? Почему ты опять злишься?

Он останавливается и оборачивается, потом делает пару шагов в мою сторону:

– Я думал, пообщавшись с тобой последнее время, могу рассчитывать на чуть иное твое отношение в школе. У тебя была масса возможностей спросить меня о чем угодно, но ты почему-то веришь всяким слухам. Надо быть объективнее, потому что и тебя сплетни не обошли стороной.

Меня сплетни не обошли стороной? Если он надеется набрать очки, имея со мной нечто общее, то глубоко заблуждается.

– Так вот в чем дело? Ты решил, что распутная новая девчонка проникнется симпатией к придурку, который терпеть не может геев?

Он со стоном запускает пятерню в волосы:

– Не надо, Скай.

– Что не надо? Называть тебя придурком, который терпеть не может геев? Ладно. Давай придерживаться твоей тактики честности. Избил в прошлом году того пацана, после чего тебя отправили в колонию для несовершеннолетних? Или нет?

Он упирает руки в бока и качает головой, потом бросает на меня разочарованный взгляд:

– Когда я сказал «не надо», то имел в виду, что ты оскорбляешь не меня, а себя. – Он делает шаг вперед, подойдя ко мне почти вплотную. – Да, я избил этого подонка чуть не до полусмерти, и стой он сейчас передо мной, сделал бы то же самое.

Его глаза выражают неподдельный гнев, и я так напугана, что ни о чем больше не спрашиваю. Да, он честен, но его ответы ужасают меня ничуть не меньше, чем вопросы, которые я собиралась задать. Мы одновременно отступаем друг от друга на шаг и умолкаем. Непонятно, как мы дошли до этой точки.

– Я не хочу с тобой бегать сегодня, – говорю я.

– Я тоже.

При этом мы оба поворачиваем в противоположные стороны: он к своему дому, а я к окну. Мне даже не хочется бежать одной.

Я забираюсь в окно, и сразу начинается ливень. На миг мне становится жаль его. Ведь ему надо мчаться домой. Но только на миг, ибо судьба коварна и в данный момент она явно не благоволит к Холдеру. Я закрываю окно и подхожу к кровати. Сердце мое бьется так сильно, словно я только что пробежала три мили. Но на сей раз причина в том, что я в ярости.

С этим парнем я познакомилась пару дней назад, но за всю жизнь столько не спорила. Можно было сложить все наши с Сикс споры за последние четыре года, и это не шло ни в какое сравнение с последними сорока восемью часами в обществе Холдера. Я вообще не понимаю, почему он так заводится. Наверное, после сегодняшнего утра образумится.

Я беру с ночного столика конверт и вскрываю. Откинувшись на подушку, начинаю читать письмо Сикс в надежде побороть хаос, царящий в голове.

Скай!

Надеюсь, когда ты будешь это читать (знаю, что сразу не прочтешь), я уже успею безумно влюбиться в итальянца и перестану о тебе думать.

Но я знаю, что ничего у меня не получится, поскольку все время буду думать о тебе.

Я буду вспоминать о всех наших вечерах с мороженым, фильмами и мальчишками. Но больше всего я буду думать о тебе и о том, за что люблю тебя.

Вот, например. Мне нравится, что ты терпеть не можешь прощаться и не выносишь всякие там эмоции, потому что я тоже их не терплю. Мне нравится, что ты всегда начинаешь с шарика земляничного и ванильного мороженого, потому что знаешь, как я люблю шоколад, хотя ты тоже его любишь. Мне нравится, что в тебе нет глупой застенчивости, несмотря на то что ты оторвана

от общества и даже аманиты кажутся тебе модными.

Но больше всего мне нравится, что ты не судишь меня. Мне нравится, что за последние четыре года ты ни разу не спросила меня о том, как я выбираю себе кавалеров, и никогда не упрекала в отсутствии чувства долга. Можно было бы сказать, что не тебе меня судить, потому что ты тоже грязная потаскушка. Но мы обе знаем, что это не так. Поэтому спасибо тебе за то, что ты такая великодушная подруга. Спасибо, что никогда не унижаешь меня и не считаешь себя лучше (хотя мы обе знаем, что так оно и есть). И, хотя я смеюсь над сплетнями о нас с тобой, меня убивает, когда о тебе говорят всякие гадости. Мне жаль, что так вышло. Но не очень, поскольку я знаю, что, будь у тебя выбор – быть потаскухой или добропорядочной девушкой, – ты переспала бы со всеми подряд. Потому что ты меня так любишь. И я бы тебе разрешила, потому что тоже очень тебя люблю.

И еще одно я обожаю в тебе – вот напишу и заткнусь, потому что я от тебя всего в шести футах и страшно хочется вылезти из окна и обнять тебя.

Мне нравится твой пофигизм. Здорово, что тебе наплевать на чужое мнение. Мне нравится, как ты умеешь сосредоточиться на своем будущем и посылаешь всех к чертям собачьим. Меня растрогало то, как ты, узнав, что я улетаю в Италию (а перед тем я уговорила тебя поступить в мою школу), просто улыбнулась и пожала плечами. А ведь многие закадычные подруги наверняка расстались бы. Я уехала, а тебе придется воплощать мою мечту, но ты даже не обругала меня за это.

Мне нравится, как (это последнее, клянусь) мы смотрели «Силы природы», где в конце Сандра Баллок уходит, и я вопила на телевизор за такой ужасный финал, ты лишь пожала плечами и сказала: «Это настоящее, Сикс. Нельзя злиться на реальную концовку. В жизни они бывают ужасны. Злиться надо на фальшивые хеппи-энды».

Я никогда этого не забуду, потому что ты была права. Я знаю, ты не собиралась преподавать мне урок, но преподала. Не все получается, как я хочу, и не все имеет счастливый конец. Реальная жизнь бывает отвратительна, надо просто научиться мириться с ней. Я буду стараться принимать ее с толикой твоей беззаботности и двигаться вперед.

Ну, ладно. Хватит об этом. Знай, что я буду очень скучать по моей самой лучшей подруге на всем белом свете. Надеюсь, до тебя дойдет, какая ты удивительная, а если нет, то я буду каждый день слать тебе эсэмэски, чтобы напомнить. Приготовься к тому, что следующие полгода я буду забрасывать тебя бесконечными занудными посланиями с изъявлениями любви и дружбы.

С любовью,

6

Я складываю письмо, но не плачу. Она бы не одобрила, хотя сама написала душещипательное письмо. Я протягиваю руку к ночному столику и вынимаю из ящичка сотовый, ее подарок. У меня там уже два пропущенных сообщения.

Я говорила тебе недавно, что ты потрясающая? Скучаю.

Прошло уже два дня. Почему не отвечаешь? Хочу рассказать тебе о Лоренцо. Ты до отвращения умна.

Я улыбаюсь и пробую написать ей в ответ. Получается только с пятой попытки. Мне почти восемнадцать – и это моя первая эсэмэска? Можно попасть в Книгу рекордов Гиннеса.

Постараюсь привыкнуть к этим ежедневным изъявлениям любви. Не забывай напоминать, какая я красивая, какой у меня безупречный вкус к музыке и что я самая быстрая бегунья на свете. (Всего лишь несколько идей для начала.) Я тоже скучаю по тебе. Жду не дождусь узнать о Лоренцо, шлюшка ты этакая.

Пятница, 31 августа 2012 года

11 часов 20 минут

Следующие несколько дней в школе не отличаются от первых двух. Сплошная драма. Похоже, мой шкафчик превратился в скопище похабных записочек и угрожающих писем, но я ни разу не видела авторов. Совершенно не понимаю, какой прок человеку делать такие вещи, если он даже не признается в этом. Вот, например, записка, прилепленная с утра: «Шлюха».

Да неужели? Где творчество? И почему нет фабулы? Не помешали бы подробности. Если уж мне каждый день приходится читать этот бред, то можно было, по крайней мере, сделать его занятным. Случись мне пасть так низко и оставить на чьем-то шкафчике анонимку, я хотя бы не поленилась развеселить адресата. Я написала бы нечто вроде: «Не пойму, как ты вчера оказалась в постели со мной и моим бойфрендом. И мне совсем не понравилось, как ты втирала массажное масло в мои дыни. Шлюха».

Я смеюсь. Это так странно – громко смеяться над собственными мыслями. Я оглядываюсь по сторонам – в коридоре никого, кроме меня. Вместо того чтобы сорвать со шкафчика записки, я достаю ручку и придаю им более художественный вид. Веселись, прохожий.

* * *

Брекин ставит свой поднос напротив моего и улыбается с видом, будто знает секрет, который мог бы меня заинтересовать. Если это очередная сплетня, то я пас.

– Как вчерашний тест на беговой дорожке? – спрашивает он.

Я пожимаю плечами:

– Я не пошла.

– Угу, знаю.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Потому что, прежде чем поверить чему-то, предпочитаю выяснить это у тебя, – со смехом отвечает он. – Почему не пошла?

Я снова пожимаю плечами.

- Что за дерганье плечами? У тебя нервный тик?

- Я еще не готова влиться в команду. Может быть, потом.

Он хмурится:

- Ну, во-первых, бег на беговой дорожке – занятие не групповое. Во-вторых, я думал, ты поступила в школу из-за факультативных занятий.

- Вообще-то, я не знаю, зачем я здесь, – признаюсь я. – Может быть, знакомство с худшими проявлениями человеческой природы поможет мне адаптироваться к реальному миру. Чтобы не было сильного шока.

Он нацеливает на меня стебель сельдерея и поднимает бровь:

- Справедливо. Постепенное знакомство с опасностями, которые таит в себе общество, поможет смягчить удар. Нельзя выпускать тебя в дикую природу после изнеженной жизни в зоопарке.

- Милая аналогия.

Подмигнув, он откусывает от стебля:

- Кстати, об аналогиях. Что творится с твоим шкафчиком? Он весь покрыт сексуальными аналогиями и метафорами.

- Тебе понравилось? – смеюсь я. – Быстро не вышло, но это был творческий порыв.

Он кивает:

- Мне вот это понравилось: «Ты такая шлюха, что трахнула даже мормона Брекина».

Я качаю головой:

– Не могу приписать себе авторство этого шедевра. Это оригинал. Но смешно, правда? Особенно после того, как я их немного подправила.

– Ну, – говорит он, – записок там больше нет. Я только что видел, как Холдер срывает их.

Подняв на него глаза, я обнаруживаю, что он опять лукаво ухмыляется. Наверное, в том и заключался секрет.

– Странно.

Интересно, зачем это Холдеру? С последнего разговора мы не бегаем вместе. Да и вообще не общаемся. На первом уроке он сидит на другом конце класса, и в течение всего дня, за исключением обеда, я его не вижу. Но и там он садится подальше, с друзьями. Я полагала, что наши отношения зашли в тупик и мы стараемся избегать друг друга, но, пожалуй, ошиблась.

– Можно спросить тебя кое о чем? – произносит Брекин. – (Я снова пожимаю плечами – в основном чтобы подразнить его.) – А правда то, что о нем говорят? О его характере? И о его сестре?

Я стараюсь не показать, что о сестре слышу впервые.

– Не знаю. Могу сказать только, что он наводит на меня страх и я больше не хочу с ним общаться.

Мне очень хочется спросить о сестре, но невозможно предугадать, в каких ситуациях проявится мое упрямство. Почему-то одна из них – сбор сведений о Дине Холдере.

– Привет, – произносит голос у меня за спиной.

Он оставляет меня совершенно равнодушной, и это, конечно, не Холдер. Едва я успеваю обернуться, как Грейсон уже перекидывает ногу через скамью и садится рядом:

- Ты занята после школы?

Я макаю стебель сельдерея в салатную приправу «Ранчо» и откусываю:

- Возможно.

Грейсон качает головой:

- Неправильный ответ. После уроков буду ждать тебя у твоей машины.

Я не успеваю ничего возразить, он уже встает и уходит. Брекин глупо ухмыляется.

Я лишь пожимаю плечами.

* * *

Понятия не имею, о чем собирается говорить со мной Грейсон, но если он рассчитывает явиться ко мне завтра вечером, то нуждается в лоботомии. Я полна решимости до конца года завязать с парнями. Особенно если не с кем есть мороженое после ухода кавалера. Мороженое в обществе Сикс было единственным поводом для свидания.

Грейсон же верен слову и ждет у машины, облокотившись на дверь с водительской стороны.

- Привет, Принцесса, - говорит он.

Не знаю, в чем тут дело - в звуке его голоса или в том, что он наградил меня прозвищем, но я внутренне сжимаюсь. Подойдя к нему, прислоняюсь к машине рядом с ним:

- Больше не называй меня Принцессой. Никогда.

Он со смехом встает передо мной и хватается за руку:

- Отлично. Как насчет Красотки?

- Как насчет того, чтобы называть меня просто Скай?

- Ну почему ты все время сердишься?

Он тянется, сжимает мои щеки в ладонях и целует меня. Я неохотно позволяю – в основном потому, что он вроде как заслужил это, поскольку ему целый месяц пришлось меня терпеть. Правда, он не заслуживает всего набора ответных милостей, поэтому через несколько мгновений я отстраняюсь:

- Чего ты хочешь?

Обвив руками за талию, он привлекает меня к себе:

- Тебя. – Он принимается целовать меня в шею, но я отталкиваю его. – Что?

- Ты тормоз? Грейсон, я же сказала, что не собираюсь спать с тобой. И не пытаюсь, как всякие разные, заигрывать, чтобы ты бегал за мной. Ты хочешь чего-то большего, а я не хочу, поэтому будем считать, что мы зашли в тупик.

Он смотрит на меня, затем со вздохом привлекает к себе и обнимает:

- Мне не надо большего, Скай. Хорошо и так. Я не буду давить на тебя. Просто мне нравится приходить к тебе в гости, и я хочу прийти завтра вечером. – Он пытается очаровать меня своей сексуальной ухмылкой. – Перестань злиться, иди ко мне. – И он опять целует меня в губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kolin-guver/bez-nadezhdy/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Голливудский актер, продюсер и модель, 1980 года рождения. - Здесь и далее прим. перев.

2

Севен в переводе с английского означает «семь», а Сикс - «шесть».

3

Сётин от английского thirteen - тринадцать.

Купити: <https://telnovel.com/kolin-guver/bez-nadezhdy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)